

Любовь – лучшее лекарство на свете

АВА РИД

**Большие
НАДЕЖДЫ**

Ава Рид

Большие надежды

Серия «Young Adult. Пепел и души»

Серия «Больница Уайтстоун», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69526510*

Большие надежды: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-190996-3

Аннотация

Горячая и страстная книга от Авы Рид, одной из самых успешных и популярных писательниц во всей Германии. Эмоции, страсть, драма и невозможная любовь.

«Большие надежды» – это первая книга цикла, действие которой разворачивается в больнице Уайтстоун. Герои этой серии не только будут спасать жизни пациентов, но и заводить новых друзей и влюбляться.

Заветная мечта Лоры Коллинз исполнилась! Она поступила на стажировку в Уайтстоун, одну из лучших клиник страны. Но чтобы стать хорошим врачом, Лоре придется стараться изо всех сил, учиться и много работать.

Каждый день ей придется принимать трудные решения, от которых будет зависеть жизнь пациентов. Стресс, изнурительно долгие смены, недостаток сна – как будто бы этого недостаточно.

Нэш Брукс – вот настоящая проблема! Этот молодой кардиохирург невероятно красив, горяч и умен. А еще он ее начальник, поэтому о романе с ним даже нельзя мечтать.

Чтобы не потерять работу, Лора ни в коем случае не должна влюбляться в Нэша. Но разве это так просто?

Для фанатов Моны Кастен, Анны Тодд, Эммы Скотт и Сары Шпринц.

«Остроумная, пронзительная и совершенно уникальная книга. Роман, который заставит сердце всех поклонников "Анатомии страсти" биться быстрее». – *Сара Шпринц, автор романа «Что, если мы утонем»*

Содержание

Дорогие читатели и читательницы!	6
Предупреждение о триггерах	7
Плей-лист	8
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	78
Глава 8	85
Глава 9	98
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Ава Рид

Большие надежды

Моим читателям и читательницам, без которых ничего бы не было, а также моему мужу, без чьей поддержки я бы не дописала эту книгу.

Ava Reed

High Hopes. Whitestone Hospital

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© А. Зубарева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Дорогие читатели и читательницы!

Я очень рада, что вы держите в руках первую книгу из моей новой серии. Надеюсь, что вам понравится история Лоры и Нэша так же, как она нравится мне.

Я бы хотела обратить ваше внимание, что книги из серии «Уайтстоун», в отличие от «Искренне», «Безумно» и «Нежно», нельзя читать по отдельности или в произвольном порядке. Хотя в центре каждого романа находится история разных пар, сюжетная линия проходит через все четыре части хронологически.

В конце, после благодарностей, вы найдете глоссарий наиболее важных медицинских терминов, использованных в книге.

От всего сердца желаю вам хорошо провести время с «Большими надеждами» и со всей командой больницы Уайтстоун.

Искренне ваша,

Ава

Предупреждение о триггерах

Во всех романах из серии «Уайтстоун» – в том числе из-за сеттинга – затрагиваются темы, которые могут сработать как триггеры, т. е. вызвать у читателя неприятные чувства и ассоциации.

В «Больших надеждах» в числе прочих присутствуют упоминания психологического давления, стресса, домашнего насилия, несчастных случаев, разного рода телесных повреждений и физиологических жидкостей, дискриминации, смерти, потери и горя. Также присутствует подробное описание болезней и операций.

Этот список неполон. Пожалуйста, берегите себя и заботьтесь о своих чувствах.

Плей-лист

WHERE IT STAYS – CHARLOTTE OC

IF YOU KEEP LEAVING ME – ANDERSON EAST

IF I BE WRONG – WOLF LARSEN

I ONLY MISS YOU WHEN I'M BREATHING – DAN
ELLIOTT

NO RIGHT TO LOVE YOU (ACOUSTIC) – RHYS LEWIS

PIECES (ACOUSTIC) – DECLAN J. DONOVAN

LOOKS LIKE ME (PIANO ACOUSTIC) – DEAN LEWIS

LIKE THE WATER – PATRICK DRONEY

I CAN'T BREATHE – BEA MILLER

FALLING LIKE THE STARS – JAMES ARTHUR

EASY ON ME – ADELE

OUT OF REACH – GABRIELLE

WILLOW – TAYLOR SWIFT

SILENCE (ACOUSTIC) – GRACE CARTER

BETTER THAN TODAY – RHYS LEWIS

YOURS IN THE MORNING – PATRICK DRONEY

COLOUR ME – JUKE ROSS

BETTE DAVIS EYES – BOY

SHIVERS – ED SHEERAN

DRIVERS LICENSE – OLIVIA RODRIGO

GLITTER – PATRICK DRONEY

HOLD ME WHILE YOU WAIT – LEWIS CAPALDI

HIGH HOPES – KODALINE

Глава 1

Лора

– Лора Элизабет Коллинз! Если ты не откроешь это чертово письмо, я сейчас же отправлюсь в аэропорт и вылечу к тебе первым рейсом! Да, несмотря на то, что в Берлине пять утра, а в девять у меня важные съемки!

Я закатываю глаза, мне и смешно, и досадно. Джесс, моя старшая сестра, тем временем выжидающе смотрит на меня из окошка видеочата. Чувствую угрызения совести из-за того, что разбудила Джесс в такую рань, но мне необходимо было увидеть ее, поговорить с ней. Я хотела, чтобы сестра, как это ей всегда удавалось, передала мне немного своего беспечного оптимизма.

– Да ладно! Чего ты боишься? – спрашивает Джесс. Будь она рядом, то ткнула бы меня локтем в бок. Я почти чувствую легкий удар.

– Того, что ты прилетишь в Сан-Франциско только чтобы вправить мне мозги.

Усмехнувшись, Джесс сонно потирает глаза, а потом громко вздыхает и говорит:

– Давай уже. Это как содрать пластырь. Сосчитай до трех и дерни. Уверена, тебя приняли.

Едва сдерживаюсь, чтобы не сказать, что пластырь не сле-

дует «сдирать». Вместо этого верчу письмо в руках, пытаюсь понять, готова ли увидеть ответ, который ждет внутри. Мое будущее уже решено, но я еще не знаю, по какому пути пойду. От этой мысли мне не по себе.

– А если нет? – спрашиваю рассеянно. Если меня не приняли? Если работа, о которой я мечтала столько лет, уплыла у меня из-под носа?

– Дорогуша, ты была третьей по успеваемости на курсе! Две лучшие больницы страны хотят, чтобы ты у них работала. Ты столько вкалывала, что заслужила этот успех!

Мой взгляд падает на лежащие на прикроватной тумбочке письма из Филадельфии и Балтимора. Я получила предложение о работе из больницы Джонса Хопкинса, что, однако, меня не особо радует... При мысли об этом чувствую себя неблагодарной, избалованной девчонкой. Но на самом деле я ценю это предложение, даже очень. Я сделала все возможное, чтобы окончить медицинский факультет Стэнфордского университета с высоким баллом. Преодолела все препятствия, которые встретились на пути. И не только в учебе: после выпуска наступило время писать резюме и мотивационные письма. Теперь конец марта, и отклики на разосланные резюме уже пришли – включая этот, который я очень ждала и который несколько дней как не решаюсь открыть.

– Мама с папой познакомились в Финиксе, на медицинской конференции, – говорю я то, что Джесс и так прекрасно знает, и чувствую, как у меня сдавливает горло. – Дело не в

больнице, а в том, что она символизирует. Я... надеюсь, что там стану ближе к родителям. Если меня не возьмут, это все равно что снова их потерять. Вот чего я боюсь.

– Понимаю, – отзывается Джесс, по голосу слышно, что у нее в горле тоже стоит ком.

Меня с головой накрывает чувство вины за то, что я позвонила ей, несмотря на девятичасовую разницу во времени. Разбудила и теперь не даю спать, напоминая о том, что мы потеряли, когда были совсем маленькими. О том, кого мы потеряли.

– Вот почему ты позвонила мне, а не Логану, – добавляет Джесс.

Едва заметно киваю. Уверена, она это видит.

Наш брат Логан любит нас, а мы любим его, но... он старается не вспоминать о случившемся, старается лишний раз не думать о маме с папой, потому что это слишком больно. Логан стал полицейским из-за родителей – чтобы справиться со своей яростью, чтобы как-то бороться с несправедливостью, царящей в мире. Но брат бы меня не понял. Или не захотел бы понять. И уж тем более – признавать, что мы с ним чертовски похожи.

– Лора, ты уже так далеко зашла... И я смирилась, что ты похожа на родителей, выучилась на врача и трудишься, совсем себя не жалея. Я даже не стала возражать, когда ты собиралась отправиться в Афганистан, Сирию или куда-то еще, чтобы помогать людям. Совсем как родители. Да, я при-

няла это. Хочу, чтобы ты была счастлива, и... я горжусь тобой. Не важно, что написано в этом письме, – говорит Джесс и, глубоко вздохнув, дрожащим голосом добавляет: – И мама с папой тоже бы гордились.

Поднимаю взгляд и успеваю заметить, как Джесс торопливо вытирает слезу. Потом она со смехом продолжает:

– Уверена, мама с папой хорошенько отругали бы меня за то, что я тебя не останавливаю.

Я тоже смеюсь, чувствуя жжение в глазах, – и впервые с тех пор, как письмо попало в мой почтовый ящик, не испытываю страха перед неизвестным.

Джесс зеваает, прикрыв рот ладонью, и мое чувство вины растет.

– Прости. Я не хотела тебя будить, но...

– Все, проехали, – перебивает она и театрально хватается за сердце. – Хотелось бы мне быть рядом с тобой... Ничего, еще восемь месяцев – и я вернусь.

– Спасибо, Джесс.

– Не за что. – Она указывает на конверт. – Ну что? Теперь откроешь?

– Да, пожалуй. Но я хочу открыть письмо в присутствии Джоша. Сейчас поеду к нему.

– Что? Не поступай так со мной, это нечестно!

– Напишу тебе, как только узнаю результат.

Джесс смотрит на меня со смесью интереса и недоверия, потом со вздохом приглаживает свои длинные светлые воло-

сы. Она понимает: я позвонила, не только ища поддержки, но и потому, что соскучилась. Я очень скучаю по ней. По родителям. Я разбудила сестру не потому, что хотела открыть письмо в ее присутствии. Нет.

– Хорошо. Но если забудешь написать, тебе не поздоровится!

– Чтобы я – и забыла тебе написать? Когда такое было?!

– В прошлом году, когда ты сняла квартиру в Сан-Франциско и переехала из общаги. – Джесс загибает пальцы, перечисляя то, о чем я забыла рассказать. – А еще – когда получила результаты экзамена. И когда устроилась на подработку и стала проводить семинары по оказанию первой помощи. И когда Эдди умер.

– Ты же знаешь, что я переехала из-за Джоша! В любом случае в Сан-Франциско я долго не задержусь. А про все остальное я тебе рассказала!

– Вопрос в том, когда! Про работу ты сообщила через несколько недель, а про смерть нашей черепахи – через три месяца. Ты ничего не говорила до самого Рождества, пока я сама не спросила, как там Эдди.

– Ладно-ладно, поняла, – сдаюсь я, скорчив гримасу. – Поставлю напоминание на телефоне. Довольна?

Джесс нахально усмехается и снова зевает.

– Вполне.

Что ж, готово: утром телефон напомнит, что надо связаться с Джесс.

– Спокойной ночи, сестренка. Удачи на съемках.

– Молюсь, что смогу еще немного поспать и утром не забуду дома камеру. Надеюсь, хотя бы модели хорошенько выспятся.

Джесс показывает мне язык. Я, улыбаясь, качаю головой и отсоединяюсь. Ужасно скучаю по сестре и жду не дождусь дня, когда увижу ее снова. В реальной жизни, а не в видеочате.

Захлопываю крышку ноутбука. Резкий звук разносится по комнате, и наступает тишина. Порой тишина мне нравится, а порой мне тяжело ее выносить. Когда ее слишком много, когда она оглушает и подавляет. Как сейчас, например. Приходится слушать свои мысли, чего я делать не хочу.

Всего восемь вечера, а я сижу в своей маленькой квартирке, уже переодевшись в пижаму. А ведь сегодня пятница... Вообще-то мне нравится быть дома в тепле и уюте. К тому же во время учебы нечасто удавалось выспаться, расслабиться, заняться фотографией или чтением. И, говоря о чтении, я подразумеваю романы и стихи, а не толстенные учебники, полные важной информации о человеческом теле. Учеба занимала почти все мое время. Даже удивительно, что мы с Джошем до сих пор вместе.

Мы познакомились на первом курсе и через полгода начали встречаться. Не знаю, было бы нам легче, если бы Джош не сменил специальность. Медицина не приносила ему такого удовлетворения, как мне. Он получал высокие баллы и

поначалу думал, что хочет стать врачом, но эта профессия не предполагает, что ты будешь уходить домой вовремя, и еще меньше – что можно работать спустя рукава. Она связана с большой ответственностью и трудом.

После первого курса Джош бросил медицинский и поступил на юридический, но и там не задержался. Учеба оказалась слишком сложной. Его тянуло в большой город, и он переехал в Сан-Франциско, где начал изучать экономику. Через несколько месяцев он получит диплом. Из-за Джоша я и переехала сюда сразу после того, как сдала последний экзамен. Хотела побыть с ним по крайней мере несколько месяцев, пока не начнется моя интернатура.

А потом я уеду. Калифорния была для меня временным домом, и я не собиралась задерживаться здесь надолго. Джош в курсе. Я сразу ему об этом сказала, но он вечно повторял, что мы «что-нибудь придумаем». Уверена, он до сих пор по-настоящему не беспокоился об этом.

Джош строит планы не дальше, чем на неделю вперед. Однажды он сказал, что последует за мной хоть на край света, но я не знаю, говорил ли он всерьез и если да, то имею ли право требовать от него такую жертву. Джош любит Сан-Франциско.

А еще не уверена, получится ли у нас поддерживать отношения на расстоянии. Смогу ли я и захочу ли этого. Но Джош не проявляет никаких признаков беспокойства, поэтому я решила тоже пока не волноваться, пусть это дается мне

чертовски тяжело. Я постоянно спрашиваю себя, действительно ли Джош – тот, кто мне нужен. Он так долго был рядом, что мне трудно представить свою жизнь без него.

Сегодня вечером ему надо готовиться к очередному экзамену, и я сказала, что не против, хотя мы не виделись несколько недель – не только из-за его экзаменов, но и потому, что я в последнее время была сама не своя.

Снова смотрю на конверт, сжимая его холодными, липкими от пота пальцами. Потом хватаю телефон, который лежит возле ноутбука на солнечно-желтом покрывале, и пишу Джошу.

«Привет, как успехи? Знаю, мы не договаривались сегодня встретиться, но, может, не откажешься сделать перерыв? Я могу принести суши... Я ненадолго. Просто пришло письмо. Уже несколько дней как. Хочу открыть его вместе с тобой».

Спонтанно получилось. Смеюсь над собой. Спонтанность – это совсем не про меня, но иногда мне хочется сделать что-то неожиданное. Чувствую себя ходячим противоречием. Я как уравнение, которое нельзя решить, но которое все же имеет смысл. Я не идеальна. И это нормально.

В ожидании ответа встаю с кровати и иду в коридор, где кладу письмо и телефон на комод. Уверена, Джош не будет против моего визита. Он живет неподалеку, и по дороге можно легко купить суши. На Грант-авеню находится один из лучших суши-баров, которые я знаю.

Я спешу в ванную, где расплетаю косу и принимаюсь расчесывать волосы.

Смотрю в круглое зеркало, висящее над старой керамической раковиной, и медленно поворачиваю голову. В тусклом свете мои серо-голубые глаза кажутся темнее, чем на самом деле. Светлые волосы, доходящие до ключиц, волнистыми локонами падают на плечи. Как непривычно! Волосы у меня прямые, но сегодня весь день они были заплетены в косу... Девушка, глядящая на меня из зеркала, похожа на мою маму. Но как бы я ни любила ее, как бы ни скучала по ней, мне слишком больно видеть себя такой. Хотя и прошло столько лет.

Судорожно сглотнув возникший в горле ком, собираю волосы в аккуратный пучок и ополаскиваю лицо холодной водой. Осталось переодеться во что-то, в чем можно выйти из дома... Проверяю телефон. Он вот-вот разрядится.

– Черт возьми, – бормочу я, принимаясь искать дурацкую зарядку.

Вчера она была где-то здесь, на комод. Ну и беспорядок, сам черт ногу сломит... нужно будет прибраться. Комод завален разными безделушками, которые имеют свойство со временем накапливаться. Кладешь их куда-нибудь и думаешь: «Потом уберу». И «потом» растягивается на недели, а то и месяцы, после которых натыкаешься на этот хлам и с удивлением понимаешь: «Он все еще здесь!» Проходит время, и тебе становится все равно.

Со вздохом проверяю кровать, тумбочку и полки, где стоят мои фотокамеры, книги и старые семейные фотографии. Но на полках такой порядок, что одного взгляда достаточно, чтобы понять: здесь зарядки нет. Растерянно замираю посреди спальни, которая отделена от гостиной небольшой бамбуковой ширмой, упираю руки в бока и оглядываюсь, внимательно изучая каждый уголок комнаты. Заправленная, но уже помятая кровать, пушистый ковер, тумбочка... Я даже заглядываю под кровать, но нахожу там лишь пыль и заколки для волос. В гостиной тоже ничего.

Не могу же я искать всю ночь! На телефоне осталось шесть процентов заряда, а Джош пока не ответил... Я решаю подождать сообщения, пока телефон полностью не сядет, потом купить новую зарядку, суши и заглянуть к своему парню. Он не постесняется сказать, если ему некогда или если я пришла не вовремя. В любом случае будет хорошо прогуляться перед сном.

Захватив с собой телефон, я возвращаюсь в ванную, которая у меня размером с обувную коробку, кладу телефон на бачок унитаза и начинаю готовиться к выходу из дома. Мажу лицо кремом, наношу немного туши, капельку духов – и вот я уже чувствую себя увереннее.

Замечаю, как загорается экран, и тянусь за телефоном. Одно неловкое движение – и он выскальзывает у меня из пальцев. Пытаюсь поймать его, но мое судорожное махание руками только ухудшает ситуацию.

Телефон падает.

Прямо в унитаз.

Раздается громкий всплеск, сопровождаемый тихим бульканьем. Я замираю, разинув рот и оторопело уставившись в унитаз.

– Нет, нет, нет... – принимаюсь бормотать, с каждым отрицанием все больше погружаясь в отчаяние. Не успев до конца осознать произошедшее, я в панике засовываю руку в воду, чтобы спасти телефон. Ощущение, будто провожу ректальный осмотр коровы... Понятия не имею, каково это – наверное, внутри коровы теплее и не так много свободного пространства, хотя так же мокро и скользко. Но мне все равно. Я врач, и мне пришлось научиться быстро абстрагироваться от определенных ощущений. Ничто не мешает мне спасти жизнь – в данном случае жизнь моего телефона, экран которого гаснет в ту секунду, когда он оказывается у меня в руках, словно говоря: «Ты опоздала».

Прекрасно. Просто прекрасно.

– Дерьмо! – со стоном произношу я и, смотря на мокрый телефон, осознаю двусмысленность этого замечания. Бросаюсь на кухню, достаю бумажное полотенце и кладу на него телефон, после чего лихорадочно мою руки.

– Рис! У меня где-то был рис. Но где...

Я редко ем рис, но дома он всегда есть, потому что иногда на меня находит желание приготовить какое-нибудь рисовое блюдо.

– Ну же, где он?!

Открываю шкафчик, где храню бакалею, отодвигаю упаковку макарон и сахар, банки консервов и – вот он! С облегчением достаю пачку риса, высыпаю содержимое в миску и засовываю туда телефон. Остается лишь надеяться, что рис вытянет влагу и завтра телефон заработает.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и опускаю голову на руки.

Ну и денек!

Может, это знак. Может, стоит переодеться в пижаму и остаться дома.

Волосы растрепались. Уверена, от пучка ничего не осталось. А еще я случайно вытерла глаза и тушь наверняка размазалась по всему лицу... Да, наверное, лучше никуда не ходить. С другой стороны, сейчас мне просто необходимо съесть что-нибудь вкусное...

Глава 2

Лора

Весна в Сан-Франциско чудесная. Она нежно заключает город в теплые объятия и превращает все в произведение искусства.

Прохладный ветерок дует мне в лицо, и я одной рукой плотнее запахиваю плащ. В другой у меня пакет с суши.

Мне нравится здешний климат. Погода приятная, не слишком холодно, не слишком жарко. Никаких крайностей. Когда я сказала об этом Джесс, она громко рассмеялась. Ее слова до сих пор звучат у меня в памяти: «И после этого ты хочешь отправиться в Финикс? С ума сошла?»

Может, и сошла. Я никогда не бывала ни в Финиксе, ни в других городах, где царит жара, вроде Лос-Анджелеса. Думаю, там не так уж плохо. Немного тепла еще никому не повредило, правда? Кроме того, погода – не главный критерий в выборе места, где собираешься жить. Не хочу, чтобы от нее зависело мое будущее. Мне плевать на жару, а все остальное, уверена, в Финиксе будет замечательно. «Если, конечно, меня туда пригласят», – проносится мысль, и кажется, письмо начинает оттягивать карман плаща.

Да... Все будет хорошо. Обязательно будет.

Пытаюсь отвлечься: вдыхаю полной грудью, с жадностью

наблюдая за окружающей суетой, будто гуляю по Чайнатауну в последний раз. Изучающе гляжу на прохожих, смотрю на яркие огни фонариков... Маленькие бары и ресторанчики, светящаяся реклама и большие китайские иероглифы – я по-настоящему наслаждаюсь прогулкой, каждой секундой этого вечера.

Сворачиваю на Клэй-стрит в сторону Финансового квартала: яркие улицы, живущие особым ритмом, с их неповторимым сердцебиением и атмосферой, сменяются улицами, полными высотных зданий. Здесь тоже по-своему красиво.

Джош живет в шикарной высотке. Я поднимаюсь на лифте на пятый этаж, открываю дверь своим ключом и переступаю порог квартиры. Светильник заливает узкий коридор теплым светом. Я снимаю плащ, скидываю кроссовки. До меня не доносится ни звука, что неудивительно: дверь в гостиную, совмещенную с кухней, плотно закрыта.

Тихонько стучу, прежде чем приоткрыть дверь и заглянуть в комнату.

– Джош?

На обеденном столе яблоку упасть негде – он завален бумагами и книгами, среди которых стоят грязные кружки. Не считая этого, в комнате идеальный порядок – неудивительно, учитывая предпочтения Джоша. Его квартиру можно описать одним словом: «минимализм». Она почти пустая. Здесь нет ничего, что бы бросалась в глаза, каких-то личных вещей. Ни фотографий, ни растений, ни книг. Минималистич-

но и супермодно. Мне этот стиль не нравится, потому что квартира кажется такой... идеальной. Холодной и стерильной. Как больница. Даже не знаю... Мне не хватает мелочей, которые бы создавали уютную домашнюю атмосферу.

Но Джош не из тех, кому это важно. Думаю, в отличие от меня ему не нужен уют. А может, ему нравятся безликие и легко заменяемые вещи. Когда я спросила его об этом несколько месяцев назад, он не понял, что я имею в виду, и сказал, что квартира – это просто квартира. Ни больше ни меньше. Именно поэтому я не переехала к Джошу и даже не рассматривала такой вариант. Ладно, причина не только в этом, просто он никогда не предлагал, а я не поднимала этот вопрос. Благодаря подработке и – в первую очередь – наследству, доставшемуся мне от родителей, я могу снимать жилье и мне не пришлось брать огромные кредиты, чтобы оплатить учебу. Хотя, будь у меня выбор, я бы предпочла гору долгов, но живых родителей.

– Джош? – снова зову я, на этот раз чуть громче, и прохожу через гостиную на кухню.

Тишина. Наверное, Джош решил сделать перерыв и заснул.

– Джош?

Внезапно из ванной – а может, из спальни, трудно сказать – доносится громкий стук. Опускаю на пол пакет с суши. Надо убедиться, что все в порядке... Дверь в спальню резко открывается, на пороге стоит Джош. Он замирает, уставившись

на меня словно на привидение.

– Лора, что ты здесь делаешь? Почему не позвонила?..

Трусы-боксеры. Взъерошенные волосы. Он откашливается и торопливо закрывает дверь в спальню.

Зачем? Что я там не видела? Он один, так что... Он ведь один?

Мы смотрим друг на друга, но его зеленые глаза не выражают никаких чувств. Выражение его лица остается абсолютно спокойным.

– Я тебе писала, но потом у меня разрядился аккумулятор и телефон упал в унитаз... – тараторю я, думая совсем о другом.

Джош проводит рукой по чисто выбритому подбородку, и я замечаю отпечатки помады. На подбородке, на губах.

– Пожалуйста, скажи, что это не то, о чем я думаю, – указываю на розовые следы, и Джош судорожно трет лицо, кажется, прекрасно понимая, о чем речь. Мне становится нехорошо. Значит, он не один.

– Не могу, – резко говорит он и опускает руку, больше не пытаюсь стереть помаду.

Хочется задеть его побольнее: оскорбить или наорать. Но я стою и молчу.

Самое плохое не то, что в кровати моего парня лежит другая женщина. А то, что это ранит меня меньше, чем должно бы. Но мне все равно больно. Чувствую, как меня заполняют ощущение пустоты, бессилие, боль... и, кажется, злость. Да,

точно. Сильная злость. Я злюсь не потому, что Джош предпочел другую, а потому, что поступил как трусливый козел. Ему надо было со мной порвать, а не спать с другой, скрывая от меня. Измена хуже расставания: изменяя, ты будто намеренно ранишь партнера. Не секрет, что любовь проходит, отношения заканчиваются. Но зачем завершать все так? Такого никто не заслуживает. Это... унижительно. То, как поступил со мной Джош... да, я злюсь. Злость лавой течет по моим венам.

По крайней мере, он не стал отрицать и лгать. При мысли об этом хочется рассмеяться. Он и не мог: я поймала его с поличным. Но даже начни он лгать или оправдываться, хуже бы уже не стало. Или я ошибаюсь?

– И давно это продолжается?

– Не думаю, что...

– Твое мнение перестало интересоваться меня две минуты назад, Джош, – резко перебиваю я и тяжело сглатываю, ожидая ответа.

Сжав губы в тонкую линию, он молча изучает мое лицо, после чего неохотно отвечает:

– С новогодней ночи.

Сначала я думаю, что ослышалась или Джош оговорился. Наверняка сейчас он скажет, что допустил ошибку – помимо той, которая у него в спальне. А потом до меня доходит, что он почти три месяца встречается с другой.

– Ого, – шепчу я и, не сдержавшись, кривлю лицо.

Я не отвожу взгляд от Джоша. За все время наших отношений та новогодняя ночь была первым праздником, который мы провели порознь. Я была с Джесс в Берлине, а Джош... а Джош не придумал ничего лучше, чем трахнуть кого-то.

– Послушай, я хотел...

Жестом заставляю его замолчать и делаю глубокий вдох, обняв себя. Господи, зла не хватает!

– Что ты хотел? Рассказать мне правду? Брось. Мы вместе почти четыре года. Я думала, мы выше этого. А еще думала, что ты хороший парень и не трус. Жаль, что ты облажался сейчас, а не несколькими годами раньше. – Качаю головой. – Значит, ты изменяешь мне с новогодней ночи? Это мерзко, – голос срывается, и я замолкаю. Некоторое время никто из нас не говорит ни слова, и в квартире наступает такая тишина, что было бы слышно, как упала булавка.

– Она спит? Я с ней знакома? – интересуюсь я, но тут же даю задний ход: – Нет, даже знать не хочу. Ты... Ничего не хочешь сказать мне напоследок?

Глядя мне в глаза, Джош открывает рот, но в следующую секунду закрывает. Он кажется немного... потерянным, раскаявшимся. Но ничего не говорит. Ни единого проклятого слова. После всех лет, которые мы были вместе, после того, что он сделал, ему нечего мне сказать.

Чувствую печаль и разочарование.

Вот теперь мне по-настоящему больно.

– Уверена, вы друг друга заслуживаете, – шепчу я и уже громче добавляю: – Знаешь что? Суши я заберу с собой.

Я показываю Джошу средний палец, хватаю пакет с едой и, пройдя в коридор, быстро одеваюсь. Потом бросаю ключ от его квартиры на полку и решительно отцепляю от связки ключей запасной от своей квартиры.

Я думаю, что Джош бросится за мной, чтобы хотя бы создать видимость, будто его мучает совесть, или потому, что у него остались ко мне какие-то чувства. А может, он наконец соберется с мыслями, наконец найдет слова, которые стоит сказать. Но этого не происходит. Приходится признать: видимо, наши отношения закончились не сегодня. Нет, не сегодня...

Я просыпаюсь около полудня. У меня опухли глаза и раскалывается голова, и лежу я на старом узком диванчике. Уйдя от Джоша, я долго гуляла, погруженная в мысли, ничто вокруг больше не казалось мне ни красивым, ни волшебным.

Мы с пакетом суши, письмом из Финикса и изрядной долей праведного гнева допоздна бродили по улицам. Поужинав на скамейке у «Ферри-Плаза», откуда открывается вид на мост Бэй-Бридж, я отправилась домой, где меня ждал лишь испорченный телефон, лежащий в миске с рисом.

Я в любом случае уеду. Каким бы прекрасным ни был Сан-Франциско, больше ничто не удерживает меня в этом городе. Ничто.

Сегодня я расторгну договор аренды. Я не сделала этого раньше, потому что думала остаться здесь подольше – подержать Джоша во время экзаменов и посмотреть, что приготовило нам будущее. Я собиралась бороться за наши отношения. Когда-то я очень его любила. Но если подумать... все изменилось. Уже довольно давно.

Джош мне нравился, с ним было легко и просто. Я с радостью проводила с ним время, но... любовь и страсть давно прошли, как и романтическое томление. Последнее время нас связывала скорее крепкая дружба, которой я очень дорожила (поэтому вчера и расстроилась), между нами царило полное доверие и взаимопонимание... Судя по всему, Джош думал иначе, раз последние три месяца растаптывал наши отношения. Дело не только в измене. Он хотел, чтобы я подстраивалась и шла на компромиссы, но сам не делал ни того, ни другого. По крайней мере, когда речь шла о том, чего хочу я. Джош любит развлекаться, любит срывать куда-нибудь, пробовать что-то новое. Я не встречала понимания, когда говорила, что устала и не хочу тусоваться, или когда строила планы дальше, чем на неделю вперед. Джош не любил обниматься, хотя я любила. А еще секс с ним потерял для меня свою привлекательность.

Джош перестал замечать мои желания, страхи и мечты. Мы больше не прислушивались друг к другу – да и разговаривали все меньше.

Меня со вчерашнего вечера мучает вопрос: почему я ни-

чего не замечала? Как не поняла, что Джош мне изменяет? Может, он начал вести себя иначе? Стал относиться ко мне по-другому? А что насчет нашей сексуальной жизни? Стали ли мы заниматься сексом реже?

Эти размышления ни к чему не приведут. Я знаю, что не получу ответов, а значит, нужно перестать об этом думать и двигаться дальше. Сказать, конечно, легче, чем сделать... Но какой смысл мучить себя вопросами? Это Джош изменил мне, а не я ему. Я не виновата, что ничего не заметила. Я не сделала ничего плохого, в отличие от него. Он мог прийти ко мне... мог сказать, чего ему не хватает в наших отношениях или что хочет расстаться. Да, так ему и надо было поступить! Вместо этого он решил оставить все как есть, обманывая нас обоих. Сколько раз я лежала в его объятиях с тех пор, как он начал мне изменять? Даже думать об этом тошно. Паршивый ублюдок.

Приподнимаюсь с дивана, убираю с лица волосы и вдруг мне приходит мысль: нужно сделать тест на ВИЧ. Когда мы с Джошем только начали встречаться, я сдала анализы и попросила его сделать то же самое. Я сказала, что хотя и пью противозачаточные, но не буду спать с ним без резинки, пока он не сделает тест. Я не собиралась уступать и очень обрадовалась, когда Джош без колебаний согласился – он лишь подчеркнул, что всегда использует презервативы, а значит, у него не может быть ВИЧ. Его слова меня не убедили: ВИЧ-инфекцией можно заразиться даже при защищенном поло-

вом контакте. Вероятность, конечно, низкая, но она есть, и Джош знал это не хуже меня – ведь мы оба учились на медицинском. Кроме того, он мог солгать, что всегда использует презервативы. И, как теперь понимаю, это вполне вероятно. Пожалуй, сдам анализы и на другие распространенные заболевания, передающиеся половым путем. Один бог знает, пользовался ли Джош резинкой со своей новой пассией.

Вероятно, у меня паранойя, но к подобным болезням нужно относиться серьезно. Сегодня возможна терапия ВИЧ-инфекции, но она остается неизлечимой. И не стоит в таких вещах ссылаться на доверие или гиперчувствительность.

– Вот гадство, – бормочу я, протирая глаза. Чувствую себя разбитой, будто вчера сбросилась с моста Бэй-Бридж, а не любовалась им с безопасного расстояния, поедая суши.

Массирую виски кончиками пальцев. Все еще не могу полностью осознать, что вчера произошло. Что наши отношения закончились вот так. Мы не поговорили, ничего не прояснили. Джош исчез из моей жизни, и, что хуже всего, я понимаю: ничего смертельного не произошло. Иногда жизнь идет кувырком, как бы отчаянно ты ни старался придерживаться намеченного пути.

Тем не менее мне больно, и я бы солгала, если бы сказала, что все в порядке. Я скучаю по Джошу, даже если не хочу этого. Он долгое время был неотъемлемой частью моей жизни. Слишком долгое.

У меня на глазах выступают слезы при мыслях о нас – о

том, как все начиналось и как закончилось, о том, чем мы дорожили, но потеряли, пусть даже наши отношения были далеки от идеальных, о том, как мы любили друг друга, хотя, наверное, для «долго и счастливо» нашей любви было недостаточно. Я ненавижу ситуацию, в которой оказалась. Честно говоря, никогда не думала, что со мной случится что-то подобное.

С одной стороны, хочется подняться и начать действовать, с другой – еще больше погрузиться в воспоминания, мысли и вопросы. Это нормально.

Это нормально!

Боль пройдет.

Я снова ложусь, укутываюсь в одеяло и включаю телевизор. Идет какая-то документалка, которая мне совсем неинтересна.

Смотрю на экран, сознание затуманивается, и я не замечаю, как уходит время. Минуты, часы. Этот мир пролетает мимо...

Глава 3

Лора

– Какого черта?

Прищуриваюсь, рассматривая то, что раздавила в руке. Быстро моргаю, чтобы прояснить зрение, и морщусь, когда вижу, что это чипсина. Смотрю вниз, понимая: она не одинока. Я, одеяло, диван – все в чипсах, а на полу влачит свое жалкое существование пустой пакетик «Читос».

Я заснула, сдавливая в руке чертовы чипсы. Вот гадство.

Все, хватит. Надо встать и принять душ. В идеале – взять себя в руки и начать налаживать свою жизнь. Я уже потратила на Джоша несколько лет этой самой жизни, теперь самое время двигаться дальше. Пожалела себя два дня, насмотрелась дурацких передач по кабельному – и хватит. Или три дня? У меня стерлось ощущение времени...

С отвращением отряхиваюсь от чипсов и шарю рукой по дивану, пытаюсь нащупать мобильный телефон. Вдруг вспоминаю, что он все еще купается в рисе, потому что последние несколько дней я не испытывала ни малейшего желания с кем-то разговаривать. Мне хотелось тишины и покоя. Хотелось...

Понятия не имею, чего именно. Но точно знаю, что мне сейчас нужно. Двигаться вперед.

Делаю глубокий вдох, убирая с лица спутанные волосы. Мочевой пузырь напоминает о себе, поэтому я встаю с дивана и направляюсь в туалет. Потом решаю почистить зубы. Храни Вселенная того, кто изобрел зубную нить и жидкость для полоскания рта! В зеркало стараюсь не смотреть. К этому я пока не готова.

Возвращаясь в гостиную, замечаю плащ, который швырнула на пол, когда пришла домой. Поднимаю его, чтобы аккуратно повесить, и тут из кармана падает письмо, о котором я совершенно перестала думать.

Как я могла забыть о нем? Как могла забыть о своем будущем?!

Крепко сжимая конверт, я с высоко поднятой головой иду на кухню. Вытаскиваю телефон из миски с рисом. Он выглядит хорошо: сухой, без царапин. Хотя бы заработал... не уверена, что он включится...

Нетвердым шагом иду в спальню. У меня нет сил приблизиться в гостиной.

В голове творится хаос. Вздохнув, падаю на мягкую кровать. Мои мысли одновременно навязчивые и туманные, логичные и запутанные. Они ничем мне не помогают – такие же смятенные, как и я сама. А сердце? Стучит. Громко и сильно. Словно так и не решило, глубокую ли рану ему нанесли. Всего лишь царапину, не заслуживающую внимания, порез, который заживет не сразу, или рваную рану – а вот ее придется зашивать. Мое сердце ранено, но не разбито. Это

единственное, что меня радует. В конце концов, мы каждый день должны находить поводы для счастья, поэтому сегодня я решила радоваться этому.

Не ликовать же из-за сломавшегося телефона и того, что мой бывший оказался подлецом! Проклятье. Я уже два года как собираюсь купить новый смартфон – наверное, Вселенная намекает, что теперь самое время. Мой телефон слишком быстро разряжается и постоянно глючит. Характер у него непростой, если можно так выразиться.

Да, пришло время купить новый.

Откладываю письмо в сторону, потому что сначала хочу разобраться с телефоном. Надеюсь, сделаю это быстро. Со стоном беру стоящий на тумбочке ноутбук, кладу себе на колени и поднимаю крышку. Быстрое нажатие на клавишу – и экран загорается.

Мой телефон не привязан к определенному тарифному плану или контракту. Я предпочитаю пользоваться предоплаченной сим-картой, потому что не люблю платить за функции, которыми не пользуюсь. Выбираю более дешевую, но относительно новую модель смартфона, которая, надеюсь, прослужит так же долго, как прежняя. Доставка через два дня. Оплата через «Пэйпал». Идеально. Все, вопрос решен! Чувствую, как мне стало легче, и улыбаюсь, мысленно вычеркивая графу из списка дел под названием «Новая жизнь». Неплохо...

Улыбка спадает с моего лица, когда на значке «скайпа»

появляется уведомление о непрочитанных сообщениях и пропущенных звонках. Открываю программу и чуть не падаю с кровати. На экране одно за другим выскакивают сообщения от сестры. Мне легко представить, как Джесс пишет каждое из них. Шутливые сообщения сменяются обеспокоенными, а последние полны ярости. «Очень надеюсь, что ты жива, – пишет она, – потому что я хочу прикончить тебя собственноручно». В последнем сообщении она довольно подробно описывает, что со мной сделает.

Склонив голову набок, растерянно шурю, вглядываясь в текст. Джесс хочет... поколотить меня, вырвать волосы, а потом переломать все кости до последней? Она хоть представляет, как это тяжело? В человеческом теле более двухсот костей... ах, вот оно.

«Не умничай, я и сама знаю, что их много!»

Сообщения поднимают мне настроение больше, чем все, что я делала последние два дня, – хотя, признаться, делала я немного. Подозреваю, сестра рассчитывала на иной эффект. Широко улыбаясь, звоню ей. Не проходит и пяти секунд, как Джесс берет трубку.

– Ты совсем спятила? – кричит она, вглядываясь в мое лицо – хочет убедиться, что я цела и невредима. По правде говоря, Джесс очень заботливая, просто сама об этом не знает.

– Я в порядке.

– Это изменится, когда я приеду!

– Да, в своих ста двенадцати сообщениях ты ясно дала это

понять.

– Не умничай! – шипит она, указывая на меня пальцем. – Я волновалась, Лора. Очень волновалась.

Улыбка слетает с моего лица. Эти слова, легкая дрожь в ее голосе, выражение лица...

– Прости.

– Что, черт возьми, произошло? Ты собиралась мне написать несколько дней назад!

– Мой телефон утонул в туалете, а мой парень осчастливил своим вниманием другую девушку.

– Подожди. Что? – Джесс растерянно моргает.

– Да, именно то, что ты слышала.

Она округляет глаза.

– Джош... спит с другой?

Я некоторое время молчу, прежде чем ответить:

– Моя формулировка нравится мне больше.

– Значит, вы расстались? – Джесс выглядит так, будто не знает, что сказать... а потом неожиданно усмехается.

– Что из услышанного тебя так развеселило, скажи на милость? – Скрестив руки на груди, недоверчиво смотрю на сестру.

– Вы расстались.

– У тебя пластинку заело?

– Прости. Мне следовало проявить чуткость и притвориться расстроенной. – Она с грустным видом откашливается и смотрит на меня. – Мне очень жаль, что ты избавилась

от этого легкомысленного придурка, без которого тебе будет лучше.

Молча пялюсь на сестру, разинув рот от удивления. Джесс невинно хлопает ресницами.

– Да брось. Я никогда тебе не лгала, а сказать, что Джош мне нравился или что он тебе подходил, было бы ложью.

– Ты никогда не отличалась чувством такта, но это грубо даже для тебя... В любом случае я и представить не могла, что ты о нем такого плохого мнения... И... не знаю. Почему ты раньше ничего не говорила, Джесс?

– А что я могла сказать? Я в тебя верю. Ты достаточно взрослая, чтобы самой принимать решения и совершать ошибки. Я думала, ты скоро поймешь, что ошиблась в Джоше, – пожимает плечами она.

Я фыркаю:

– Ну, как видишь, я сама понятливость и догадливость. Мне пришлось застукать Джоша с любовницей, чтобы заметить, что у него роман.

– У тебя что, чипсы в волосах?

Торопливо провожу рукой по волосам, убирая их за уши.

– У меня были трудные дни, ясно? И вообще, не меняй тему!

– Неужели ты всерьез страдаешь из-за Джоша? Он тебе изменил. Люди не изменяют, если любят и готовы бороться за отношения. Он тебя не любил. Не так, как ты того заслуживаешь. Он принимал ваши отношения как должное и... –

Она машет руками. – Даже не знаю. Как будто ты не представляешь особой ценности и тебя легко заменить. Нельзя мириться с таким, – подчеркнуто серьезно говорит Джесс, буравя меня взглядом. – Это не любовь. Ты должна быть единственной, а не одной из многих.

– Разве это не цитата из фильма с... как там его зовут?

– Не важно, – отмахивается сестра. – Это чистейшая правда. Ты замечательная девушка. Джош тебя не заслуживает. Он никогда тебе не помогал и не поддерживал. Черт, он делал то, что хотел, и ждал, что ты будешь подыгрывать. Чем ты, кстати, и занималась.

Хмурюсь, обдумывая эти слова.

– Все было не так уж плохо, – наконец говорю я, понятия не имея, зачем оправдываю бывшего парня. Может, на самом деле оправдываю себя. В конце концов, мы с Джошем встречались несколько лет и меня все устраивало.

Джесс фыркает.

– Когда он в последний раз что-нибудь для тебя делал? И я сейчас про важные вещи. Притащить посреди ночи полувылый веник, который увидел на заправке, не считается.

Думаю, думаю, думаю, но ничего не приходит на ум. Чувствую, как по щеке скатывается слезинка, и торопливо вытираю ее. Правда в словах Джесс ранит больше, чем предательство Джоша.

– Мы хорошо знали друг друга, были близкими друзьями и...

– Другом он тоже был не ахти каким. Он переехал в Сан-Франциско, не обсудив это с тобой, потом улетел на полтора месяца в Нью-Йорк на стажировку, не сказав ничего, забыл о твоём дне рождения и вашей годовщине. Лора, однажды он обиделся, потому что ты отказалась идти в индийский ресторан. А ведь у тебя аллергия на карри!

Я вздрагиваю. Сестра права – за последние несколько дней я и сама это поняла, но... Проклятье! Со вздохом протираю глаза.

– Так и есть, – признаю я, хотя не знаю, становится ли ситуация от этого лучше. Возможно, это не важно и мне стоит просто обо всем забыть.

– Ты открыла письмо? – интересуется Джесс, и я благодарна ей за смену темы.

– Нет. Я совсем о нем забыла. Звучит безумно, да?

– Не то слово. Сходи за ним.

– Оно рядом. Я собираюсь его открыть.

– Что, правда?

Киваю. Да, правда. Терять мне нечего, а вот приобрести кое-что я могу. Как минимум определенность.

Глубоко вздохнув, беру в руки конверт. После истории с Джошем он перестал казаться таким тяжелым. Конечно, я расстроюсь, не получив работу, но если это все-таки случится, по крайней мере, мне не придется больше переживать. Я в любом случае уеду отсюда и начну новую главу в жизни. Без сожалений, угрызений совести и необходимости кому-то

угождать.

Впервые после расставания с Джошем меня охватывает желание действовать и что-то похожее на эйфорию.

Хирургически точным движением надрываю конверт. Звук рвущейся бумаги немного пугает, и мне не сразу удастся вытащить письмо – приходится сделать паузу. Замечаю, что Джесс внимательно наблюдает за мной. Невзрачный лист с коротким печатным текстом сейчас решит, сбудется ли моя мечта.

Разворачиваю письмо и начинаю читать. Сердце громко колотится в груди, дыхание учащается, жар и возбуждение нарастают.

– Ну? – торопит Джесс. – Что там? Черт, ничего не видно!

Разинув рот, роняю письмо на кровать и невидящим взглядом смотрю в стену.

– Господи, ты меня с ума сведешь! Говори уже! Тебя взяли?

Сквозь меня словно пронесется летняя гроза: меня переполняют чувства, а мысли звучат так громко, что заглушают голос сестры.

– Меня взяли, – шепотом говорю я.

– Что? – переспрашивает она.

Поворачиваюсь и смотрю на нее, чувствуя, что в горле встает ком.

– Меня взяли. С июля я буду работать в Уайтстоун. Я перееду в Финикс.

Зажимаю рот рукой, но не могу сдержать рыданий.

Джесс краснеет от прилива чувств, на глазах у нее выступают слезы.

– Я так тобой горжусь, – сдавленно бормочет она. – А ведь я говорила, что у тебя получится!

– Да, говорила, – киваю и широко улыбаюсь, думая: как хорошо все сложилось.

Перечитываю письмо снова и снова – до тех пор, пока не убеждаюсь, что не сплю. Потом мы с Джесс болтаем. О наших мечтах и планах на будущее. О прошлом – как о хороших временах, так и о плохих. Вспоминаем о вещах, которые хотели бы забыть, но не можем. И о вещах, которые почти забыли, но хотели бы помнить.

Проходит несколько часов, и меня накрывает усталость, а вместе с ней – удовлетворение, потому что этот разговор принес мне душевный покой.

Есть вещи, которые происходят, потому что должны произойти. Иногда они причиняют боль – чтобы потом жизнь изменилась к лучшему.

Глава 4

Лора

Три месяца спустя

Несмотря на распахнутые настежь окна, в квартире душно, пахнет пылью и старым ковром. Впрочем, это меня не тревожит: я рада, что переехала и могу начать жизнь с чистого листа – или с новой главы, называйте как вам больше нравится. Здесь меня ждет прекрасное будущее, Финикс – моя *tabula rasa*, на которой я могу написать все, что душе угодно.

Расторгнуть договор аренды, продать ненужный хлам и упаковать нужный оказалось куда проще, чем думала. Чувствую свободу, у меня за спиной словно крылья выросли! Сейчас я в своей новой квартире. Найти хорошее и недорогое жилье было не так-то легко. Я боялась, что первое время придется жить в мотеле, но несколько дней назад наткнулась на объявление о сдаче этой квартиры и оказалась первой в списке желающих снять ее. После телефонного разговора и отправки по электронной почте всех необходимых документов со мной согласились подписать договор. Дружелюбный агент по недвижимости сказал, что хозяин квартиры хотел побыстрее заключить сделку. Мне чертовски повезло.

В Финиксе все иначе, чем в Сан-Франциско. Этот город, расположенный посреди пустыни, обладает особой атмосферой, особой магией. Сегодня утром, когда я вышла из самолета, у меня по коже побежали мурашки. Я словно ощутила присутствие родителей, которые защищают меня. Финикс встретил меня жаркими объятиями. Нет, серьезно. Очень жаркими: пот стекает по моим вискам и шее и впитывается в футболку. У меня мокрые подмышки, но после третьей попытки я поняла – переодеться бессмысленно. Особенно учитывая, чем я сейчас занимаюсь.

Вытираю лоб тыльной стороной ладони и замираю, прикрыв глаза. Телефон, лежащий неподалеку на коробке с вещами, начинает вибрировать. Взяв его, смотрю на экран. Сообщение от Джоша. За последние три месяца я получила от него около сотни сообщений, и все они выглядят одинаково.

«Ты еще не уехала? Пожалуйста, давай встретимся и поговорим. Я скучаю. Прости меня, Лора, мне очень жаль. Я совершил ошибку».

Я игнорирую его. Не ответила ни на одно из сообщений, кроме первого, в котором попросила оставить меня в покое. Написала, что хочу, чтобы мы были счастливы. Но не вместе. Джош, похоже, не придавал значения моим словам, он продолжает упорствовать и не понимает, что «нас» больше нет. И никогда не будет. Что ж, по крайней мере, результаты моих анализов на ВИЧ и другие заболевания, передающиеся половым путем, оказались отрицательными. К счастью.

Глубоко вздохнув, качая головой, кладу телефон в задний карман джинсов и выбрасываю из головы мысли о бывшем парне, возвращаясь к делам.

Мебель и коробки с вещами, которые я решила забрать с собой, доставили через два часа после моего приезда. Теперь я убираюсь и разбираю вещи. Начало июля, жарища стоит невыносимая, а кондиционер сломан. Хозяин заверил, что к концу месяца его починят. Надеюсь, так и будет. Мне, не привыкшей к подобной жаре, хочется только одного: распластаться по полу, вытянув руки и ноги, и страдать.

Вместо этого выхожу на балкончик, откуда открывается прекрасный вид на городские небоскребы, кусок пустыни и возвышающиеся вдалеке горы. Я надеялась, что меня освежит прохладный бриз – вроде того, что гуляет вдоль побережья Калифорнии, – но я в Аризоне и только теперь наконец осознаю это в полной мере. Финикс – мой новый дом, здесь жарче, влажность выше, пыли больше. Однако закат, представший перед моим взглядом, такой же красивый, как в Сан-Франциско. Мне хорошо, я словно родилась заново и нахожусь в свободном падении. Это и воодушевляет, и пугает одновременно. Но это не парализующий страх. Скорее предвкушение и волнение.

Закат окрашивает Долину Солнца в красно-оранжевые цвета, лучи отражаются от стекол высотных зданий, рассеиваясь во все стороны. Нет, этот закат не такой, как в Сан-Франциско. Он красивее – настолько, что у меня захватыва-

ет дух. Вечер завораживает, и я жадно вдыхаю воздух, любясь палитрой красок и наслаждаясь теплом. Радуюсь, что наконец приехала туда, где мечтала оказаться после смерти родителей.

Я всегда хотела быть врачом. Ладно, признаюсь: некоторое время собиралась стать фотографом, а потом журналистом, но каждый раз возвращалась к медицине. Или она возвращалась ко мне, это как посмотреть. Когда понимаешь, что нашел «свое», такт, в котором бьется сердце, остается прежним, но мелодия меняется. Становится более проникновенной и уверенной. Полной предвкушения.

С Джошем такого не было... Нет, не хочу больше о нем думать. Ни сейчас, ни потом. Он все испортил. Впрочем, теперь понимаю, что наши отношения не продлились бы долго. Мелодия, которая звучала в моем сердце в присутствии Джоша, была красивой, но не говорила мне, что он – моя судьба. Джесс права, мне следовало раньше понять, что он не «тот самый».

Ничего страшного. Джош уже в прошлом.

На моем сердце осталась всего лишь царапина.

Не порез.

Не рваная рана.

Улыбаясь, я стою у перил, упершись в них руками, и обвожу взглядом окрестности. Моя квартира находится на последнем этаже небольшого жилого комплекса. Вы наверняка встречали подобные. Здесь есть бассейн, в котором с вероят-

ностью пятьдесят на пятьдесят можно подцепить какую-нибудь инфекцию, есть управляющий – приятный малый, но в конечном итоге его работа приносит больше вреда, чем пользы, и, конечно же, любопытные соседи. Жилой комплекс на удивление красивый и аккуратный. Похоже, хозяин старается поддерживать порядок. Если верить полицейской статистике, уровень преступности в этом районе довольно низкий. Я, конечно, не из пугливых, но не хотелось бы, чтобы меня ограбили, похитили или убили, когда ночью я буду возвращаться домой после долгого дежурства, тяжелой смены в операционной или в неотложке.

Вздыхаю. Ох уж эта проза жизни...

К счастью, до больницы отсюда добраться довольно просто. Нужно дойти до остановки, а оттуда до центра города около двадцати минут езды на автобусе – в зависимости от пробок и времени дня. В общем, квартира расположена в удобном месте, она чистая, светлая и дешевая. Признаюсь, последний фактор играл немаловажную роль в моих поисках. Кредит, который я взяла на учебу, не такой гигантский, как у большинства студентов медицинского, но мне все равно потребуется некоторое время, чтобы его погасить. Да и вообще, зачем платить за дорогое жилье, если большую часть времени я буду проводить на работе?

Осталось пережить субботу с воскресеньем и День независимости, который выпал в этом году на понедельник – из-за чего руководство Уайтстоун решило, что начать вводить

меня в рабочий процесс лучше со вторника. Всего четыре дня и четыре ночи. И начнется моя новая жизнь.

Солнце опускается ниже, закатные лучи, заливающие окна, крыши домов и холмы, приобретают необычайно насыщенный красный цвет, и я впервые с тех пор, как узнала о зачислении на работу, чувствую слабость в коленях.

Я буду стараться изо всех сил, но мне еще предстоит многому научиться. Думаю, буду учиться до конца жизни. Порой эта мысль подавляет и парализует меня, усиливая сомнения и страхи. А вдруг мне здесь не понравится? Вдруг не смогу поладить с коллегами и начальством? Облажаюсь? Буду плохо работать? Смогу ли простить себе ошибки, которые обязательно совершу? Останусь в Финиксе навсегда или однажды уеду?

Нет смысла переживать об этом, но я ничего не могу с собой поделать: мысли повторяются, как музыка на испорченной пластинке.

Но на сегодня с меня хватит. Я не знаю ответов на все вопросы и не представляю, как усмирить хаос, творящийся в моей голове. Но я уверена: у меня все получится. Все будет хорошо.

Улыбаюсь, продолжая разглядывать город. Не хочу двигаться, но мне действительно нужно в душ. Кроме того, живот урчит, напоминая, что за весь день я ничего не ела. Два жалких маффина не в счет.

Чувствуя, что завтра у меня будут ужасно болеть все мыш-

цы, отрываю взгляд от захватывающего зрелища и возвращаюсь в квартиру. Достаяю телефон и, массируя ноющее плечо, заказываю пиццу с салатом.

Стоит завершить разговор, как телефон вибрирует и на экране появляется новое сообщение. На этот раз не от Джоша. К счастью.

«Как там пустыня?»

«Разве ты не должна быть в постели, сестренка?» – пишу, качая головой.

«Думала о тебе. Как ты?».

Джесс переживает за мое будущее не меньше, чем я сама, и за это я люблю ее еще сильнее. Улыбаясь, печатаю ответ:

«Не переживай. Доехала хорошо, заказала еду и сейчас пойду в душ. Кстати, индекс качества жизни в Финиксе довольно высокий, так что наверняка здесь здорово».

«Не носи чепухи. Там невыносимая жара».

Для Джесс любая температура, которая выше умеренной, – это «невыносимая жара».

«Я привыкну. Но сам по себе город – просто сказка».

Телефон звонит. На экране высвечивается имя Джесс, я быстро отвечаю.

– Ты ничего не видела, кроме аэропорта и своей квартиры, – говорит она вместо приветствия.

– И тебе привет, дорогая сестренка. И не умничай. Почему не спишь? Или ты уже встала?

– Я не умничаю, – ворчит она, и я смеюсь в ответ. – Мне не спится.

– У меня есть повод для беспокойства? – спрашиваю, садясь на коробку.

– Нет.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Работы много. Не могу расслабиться.

– Хочешь поговорить об этом? Джесс, ты же знаешь, что я всегда готова тебя выслушать. Ты на год старше, но это не означает, что мне нельзя о тебе беспокоиться.

– Возьму на заметку. – Слышу ее тихий вздох. – Все хорошо, просто разные мысли в голову лезут. Особенно о маме с папой.

– Это из-за меня, да?

– Эй, даже не думай себя винить! Скоро все пройдет.

– Но если нет...

– То я позвоню, и мы поговорим, – отзывается она.

– Хорошо.

Надеюсь, она сдержит слово.

Джесс всегда было легче помогать другим, чем принимать помощь. Обычно она отмахивается от попыток ее поддержать. Хочет быть сильной. С тех пор как родителей не стало, сестра пыталась быть для нас с Логаном опорой.

– В твоей новой квартире есть все, что нужно?

– Да, практически. Не хватает лишь парочки мелочей.

Здесь есть диван и кровать. А еще я привезла с собой фотокамеру, книги, кофеварку, кружки, термос и наши фотографии в рамочках. Это самое главное.

Джесс смеется:

– Хорошо. Позвони после того, как выйдешь на работу, ладно? Я хочу знать, как прошел твой первый день. Звони в любое время, слышишь?

Улыбаюсь, убирая волосы за ухо.

– Обещаю. Спокойной ночи. Люблю тебя.

– И я тебя, Лора. Сделай их там, слышишь?

Прыскаю со смеху. Кажется, Джесс забыла, что я лечу людей, а не калечу.

Глава 5

Лора

Наступает утро вторника. Несмотря на ранний час, на улице жарко. В переполненном автобусе, куда я втискиваюсь, держа в руке термос с домашним фраппучино, не продохнуть. К счастью, в глубине салона мне удастся отыскать свободное место.

Переезд прошел хорошо, я даже почувствовала себя счастливой, но теперь снова нервничаю. Я не опаздываю, но приеду позже, чем планировала. Поначалу все шло замечательно, я была воплощением спокойствия – пока не поняла, что смотрю не на то расписание и, следовательно, не на то время. На свой автобус я опоздала, следующий не приехал, поэтому на остановке пришлось ждать долго. В больнице я буду к самому началу работы, и от этого мне не по себе. Я хотела приехать заранее, чтобы собраться с мыслями и бегло осмотреть ординаторскую, комнату отдыха и, если получится, палаты, но теперь придется прыгать с места в карьер.

Если бы знала, что все так обернется, не готовила бы три часа фраппучино и не танцевала под музыку из радио. Черт!

Делаю глоток из термоса и озираюсь по сторонам.

Пассажиры дремлют, смотрят в окно или прямо перед собой, погруженные в свои мысли. В автобусе царят тишина и

покой, пока мужчина, сидящий через проход от меня, не заходится в кашле. Оглядываюсь на него. Он прочищает горло и затихает, но его лоб покрыт испариной. Это ни о чем не говорит: несмотря на кондиционер, в салоне душно, но мужчина вдобавок ко всему бледен как полотно, а его грудная клетка судорожно вздымается.

– Вы в порядке? – спрашиваю, забыв о волнении. Прежде всего я – врач. Ставлю термос на пол, чтобы освободить руки.

Мужчина не отвечает. Моргает несколько раз. Я напрягаюсь и поворачиваюсь к нему. Он по-прежнему не отвечает. Дышит тяжело и хрипло.

Затрудненное дыхание, нарушение поступления кислорода – слишком неспецифические симптомы.

– Вы меня слышите?

Наклоняюсь вперед, собираясь взять мужчину за руку, но он теряет сознание и падает так быстро, что я не успеваю его подхватить.

Вскочив, опускаюсь рядом с ним на колени. Остро чувствую рядом присутствие других пассажиров, но отгораживаюсь от них невидимой стеной. «Не думай, что за каждым твоим движением внимательно наблюдают!» – говорю себе. Потерявший сознание мужчина – вот о ком нужно беспокоиться.

Приподнимаю ему веки, чтобы взглянуть на зрачки, поворачиваю его в безопасное положение – на бок. Потом про-

веряю пульс и внимательно осматриваю лицо, шею, руки и грудь на наличие ран или кожной сыпи. Внутри меня словно щелкнул переключатель, память работает на пределе, и я вспоминаю все, что узнала за годы учебы.

Поверхностное учащенное дыхание, повышенное потоотделение, но внешних повреждений или травм не обнаружено. Мысленно перебирая варианты, завязываю волосы в хвост, чтобы не мешались, и проверяю горло: оно распухло. Анафилактический шок? Возможно, но еды или питья, которые могли бы стать триггером, рядом с мужчиной нет. Он принял какое-то лекарства? Его укусило насекомое? Впрочем, сейчас это не имеет значения. Если в ближайшее время не доставить его в больницу, нарушится циркуляция крови. Проклятье!

– Ему нужна помощь! – кричит кто-то.

– Что случилось?

– Это врач?

Не обращая внимания на удивленные взгляды, вопросы и взволнованные обсуждения, которые становятся все громче, набираю 911.

– Здравствуйте, говорит доктор Лора Коллинз из больницы Уайтстоун. Я нахожусь... – Оглядываюсь по сторонам. Черт, я совсем не ориентируюсь в этом городе! Вижу вывеску Художественного музея, а потом то, от чего сердце пропускает удар. Мы застряли в пробке. Вся улица перекрыта. Нет, нет, нет, этого не может быть!

– На Норт-Сентрал-авеню! – подсказывают мне, я киваю и повторяю:

– В автобусе, который едет по Норт-Сентрал-авеню в сторону центра. Мы напротив Художественного музея. Срочно пришлите скорую. Пациент – мужчина лет сорока пяти, похоже, у него анафилактический шок и... он задыхается, а мы застряли в пробке.

– Вызов принят, – слышу я, после чего убираю телефон и начинаю делать закрытый массаж сердца и искусственное дыхание. Двигаюсь, ни о чем не думая и только считая – тридцать компрессий, потом два вдоха. И так, пока не приедет скорая. Я оттачивала эти движения до автоматизма, но мне никогда не приходилось работать в жарком переполненном автобусе посреди незнакомого города, еще и волнуясь так, что желудок болезненно сжимается. А ведь сегодня мой первый день на новой работе!

После переезда мышцы болят, каждое движение дается с трудом, я на пределе возможностей, но сдаваться не собираюсь.

– Ну же, – бормочу я и, перед тем как сделать «вдох», снова проверяю у мужчины горло. Насколько могу судить, признаков попадания постороннего предмета в дыхательные пути нет, но они сильнее распухли. Пострадавший не может дышать – и искусственное дыхание тут не поможет. Выругавшись, продолжаю делать непрямой массаж сердца, но все напрасно. Никакой реакции.

Сколько времени прошло? Две минуты? Три?

Охваченная чувством отвратительного бессилия, сдерживаюсь, чтобы снова не выругаться.

Вдруг у меня не получится его спасти? Вдруг он...

– Вот тебе и на... В кои-то веки решаешь прокатиться на автобусе, садишься вздремнуть... Эй, дайте-ка пройти.

Растерянно поднимаю взгляд и вижу ворчащего мужчину, который протискивается между испуганными пассажирами, чтобы узнать, что происходит. Он немного выше меня, у него голубые глаза и светло-каштановые, спадающие на лоб волосы, на лице сосредоточенное выражение. Его движения, язык тела, манера поведения...

– Вы врач!

Это утверждение, а не вопрос. Мужчина бросает на меня быстрый взгляд и криво усмехается, наблюдая, как я ритмично нажимаю на грудь пострадавшего, пытаюсь заставить его сердце биться.

– Симпатичная и смышленная. Ну надо же, – отзывается он и тут же забывает про меня. Чувствую прилив злости, хотя передо мной лежит человек, который сражается за жизнь, и на нас смотрят пассажиры автобуса.

– Подвиньтесь, – приказывает нахал и перегибается через меня.

Приходится прекратить массаж сердца.

– Если не продолжить реанимацию, которую вы сейчас прервали, мы его потеряем, – говорю сердито. – Скорая уже

едет, и вы... Боже правый, что вы творите?!

В полном недоумении смотрю, как нахальный врач поднимает с пола мой термос, вынимает стальную соломинку и выпивает остатки фраппучино. Вот почему он хотел, чтобы я подвинулась!

– Вау, с карамелью, – он приподнимает брови. – Неплохо. Сами приготовили?

Не дожидаясь ответа, вытаскивает из кармана брюк перочинный нож, ловким движением выдвигает лезвие и придвигается к пациенту. Я возвращаюсь на прежнее место и продолжаю делать массаж сердца, но не могу оторвать взгляд от незнакомца, который держит в руках нож и мою соломинку. Через мгновение понимаю, что он задумал.

– Только не говорите, что собираетесь сделать коникотомию, используя нестерильную соломинку и крошечный инструмент, который достали из штанов!

Он смеется. Что здесь смешного?

– Мне кажется или ваши слова прозвучали двусмысленно? И для общего сведения, «инструмент», который у меня в штанах, отнюдь не крошечный.

Чувствую, как заливаюсь краской. Позади хихикают.

– О, – вдруг говорит он, неопределенно указывая на меня, – да вы же врач.

– Симпатичный и смысленый. Ну надо же, – передразниваю я и наклоняю голову, наблюдая за его движениями. Этому остряку необязательно знать, что я – всего лишь интерн

и сегодня у меня первый рабочий день.

– Давайте вместе пообедаем, – внезапно говорит он, начиная искать место для коникотомии. Что он несет? Он точно врач, а не городской сумасшедший, который насмотрелся сериалов и теперь думает, что разбирается в медицине?

– Послушайте, у него может быть анафилактический шок. Он не дышит, сердце не бьется, слишком рискованно проводить коникотомию. Как я уже сказала, скорая в пути и...

– Хватит причитать. Если вы не заметили, разрез я уже сделал. Дыхательные пути распухли, поэтому все ваши манипуляции бессмысленны. Чтобы запустить сердце, необходим кислород. Ему нужно дышать, и я помогу. И потом, посмотрите в окно. Как думаете, когда приедет скорая и сколько мы будем добираться до больницы?

Приходится скрепя сердце признать, что нахальный врач прав. Движение остановилось. Похоже, где-то произошла авария.

В любом случае уже поздно спорить: он уверенным движением сделал надрез и теперь сосредоточенно вставляет в него соломинку. Когда соломинка оказывается достаточно глубоко и я заканчиваю реанимационный цикл, он вдыхает в нее воздух. Мы продолжаем реанимацию, но ничего не происходит... Секунды проходят. Сердце не отвечает.

– Дайте мне, – говорит незнакомый врач и сменяет меня. – А вы вдуйте воздух в соломинку.

Отстраняюсь и вдыхаю полные легкие воздуха. Мне начи-

нает казаться, что я делаю недостаточно. Чувствую тошноту, напряжение медленно парализует тело, мои руки слегка дрожат. А вдруг этот мужчина не выживет? Вдруг я сделала что-то не так? Ошиблась или действовала недостаточно быстро? В голове полный хаос...

– Эй-эй! Не раскисайте! Я, конечно, не прочь сделать искусственное дыхание и вам – вы пахнете куда лучше, чем этот парень, и целуетесь, думаю, лучше, но с двумя одновременно мне не справиться!

Вскидываю голову и смотрю на наглого врача. Его слова вытаскивают меня из водоворота мыслей и заставляют рассмеяться.

Я вдыхаю воздух в соломинку, потом отстраняюсь.

– Думала, вы выносливый. Какая жалость, – произношу с трудом, стараясь выровнять дыхание.

– О, вы даже не представляете, насколько выносливый, – нахально отвечает он, но все его внимание сосредоточено на пациенте. Не могу не восхититься – каждое его движение наполнено уверенностью, в то время как я поддалась панике. После стольких лет учебы, после года практики на мгновение у меня в голове стало пусто. Рядом с этим незнакомцем я чувствую себя дурой.

Проходят секунды, но ничего не происходит.

– Давай же! – рычит он, потом наклоняется и, забрав у меня соломинку, вдыхает в нее воздух, продолжая бороться за чужую жизнь. – К слову, коллега, – усмехается он, – без

коникотомии и без меня у него не было бы шансов.

Глава 6

Лора

Едва стою на ногах. Прошлой ночью спала я мало, ворочаясь в постели и пытаюсь успокоить круговорот мыслей, потом эта сумасшедшая поездочка на автобусе... и теперь, совсем не ожидая, я опоздала на работу. В первый день. М-да, зря принимала утром душ...

– Извините, – бормочу я, случайно задев кого-то плечом и чуть не уронив свой рюкзак. В семь часов мне нужно было присутствовать на вводном брифинге. Уже двадцать минут восьмого. Ругаюсь так, что даже Джесс бы покраснела, услышав меня. Надеюсь, больше я не потеряюсь. Эта больница намного больше тех, в которых мне доводилось стажироваться, поэтому мне понадобилась целая вечность, чтобы найти комнату, где хранится форма...

Тот мужчина выжил – скорее всего, благодаря коникотомии нам удалось запустить его сердце. Не знаю, что раздражает меня больше: то, что я побоялась сделать коникотомию, или моя уверенность, будто без нее можно было обойтись. Как и следовало ожидать, пробка рассосалась быстрее, чем до нас добралась скорая. Суперврач позвонил в больницу и распорядился, чтобы на остановку прислали реанимационную бригаду. К тому времени, когда мы приехали, нас уже

ждала команда врачей. Я не спросила его имени, а он, к счастью, больше со мной не заговаривал. Понятия не имею, где он работает. В этой части города есть и другие больницы, в первую очередь – известная детская. Не думаю, что когда-нибудь увижу его снова.

Впрочем, сейчас это наименьшая из моих забот...

Начиная паниковать, ищу нужную мне комнату и подавляю радостный возглас, когда замечаю указатель. Поворачиваю налево, прохожу вперед – и вот наконец я на месте.

Не стучась, распахиваю дверь. Все присутствующие резко оборачиваются, и я растерянно смотрю на их удивленные лица. Чувствую, как мои щеки становятся еще более горячими – теперь уже от стыда, а не от жары. Проклятье. Где врач, курирующий интернов? Судорожно озираюсь по сторонам, чувствуя, что желудок от волнения проваливается в пустоту. Брифинг еще не начался. Закрываю глаза, испытывая невероятное облегчение, и делаю глубокий вдох. Я опоздала, но, к счастью, мой начальник еще не прибыл.

Бормоча приветствия, закрываю дверь и ищу шкафчик. № 21, доктор Лора Э. Коллинз.

Неловкая тишина, воцарившаяся после моего появления, заполняется разговорами и шорохом одежды. Чувствую, как напряжение начинает понемногу отступать.

– Опоздать в первый же день – и при этом прийти вовремя. Впечатляет.

Обернувшись, вижу девушку, сидящую на скамейке перед

шкафчиками. Она откладывает в сторону телефон и с интересом смотрит на меня. Карие глаза, черные волосы, собранные в высокий пучок, губы, тронутые красной помадой, изогнуты в усмешке, словно девушка еще не решила, нравлюсь я ей или нет. «Доктор Сьерра Харрис», – написано на бейджике. Ее шкафчик находится рядом с моим.

– Иногда все идет не по плану, – парирую я, начиная переодеваться. Побрызгав на себя любимым дезодорантом «Chloé», надеваю халат и кладу в карман пейджер. Потом достаю стетоскоп, рефлекторный молоточек и диагностический фонарик и запикиваю рюкзак в шкафчик.

Расчесываю волосы и убираю их в аккуратный хвост. Все это время Сьерра внимательно наблюдает за мной.

– Ты не отсюда, да? – раздается более дружелюбный голос. Закрыв дверцу шкафчика, оглядываюсь и оказываюсь лицом к лицу с изящной девушкой в очках. Она широко улыбается, отчего веснушки словно танцуют на ее щеках.

– А что, заметно? – спрашиваю, улыбаясь в ответ.

– Не то слово, – раздается у меня за спиной. Сьерра встает и подходит к нам. – По лицу видно, что пустыня вызывает у тебя стресс.

Думаю, нет смысла объяснять, что причина моего опоздания и жалкого вида заключается в другом.

– Меня зовут Мэйси. Мэйси Джонс. – Девушка в очках протягивает мне руку. – А вон там Джейн, Зина и Райан.

– Меня зовут Лора Коллинз. Я из Калифорнии.

– Правда? Я тоже! Из Лос-Анджелеса. А ты? – улыбается мне красивый парень с вьющимися каштановыми волосами.

– Из Сан-Франциско.

– Прекрасный город. Меня зовут Митч Ривера, но зови меня просто Митч.

Сьерра, закатив глаза, замечает:

– Вообще-то у каждого из нас бейджик с именем.

Сдерживаю усмешку. Поначалу Сьерра мне не понравилась, но сейчас она так похожа на мою сестру.

– Я Лора. Приятно познакомиться, – представляюсь я, и улыбка Митча становится шире. Он высокий, похож на спортсмена, а благодаря легкой манере общения невольно располагает к себе.

– Я так волнуюсь! – вырывается у Мэйси, которая то и дело поглядывает на дверь. Кажется, она нервничает сильнее, чем я. А вот Сьерра выглядит скучающей. Она нетерпеливо смотрит на простые часы у себя на запястье и бормочет:

– И почему все так любят опаздывать?

– Привет! – поворачивается к ней Митч. – А тебя как зовут?

Сьерра презрительно щурится и указывает на бейджик.

– Что ты здесь забыл, раз не умеешь читать?

– Девушка с характером, – присвистывает парень. – Люблю таких.

– Нет. С мозгами, – язвительно отвечает Сьерра, и мне приходится сжать губы, чтобы не расхохотаться.

– Ого, чувствую, между нами пробежала искра!

Митч показывает на себя и Сьерру, после чего приобнимает Мэйси за плечи, но та скидывает его руку со словами:

– Ты загораживаешь мне обзор!

– Кончай уже! Ты заметишь, когда кто-нибудь придет.

– Теперь мы знаем название твоего любимого порно, – вырывается у меня. Проклятье. – Э... ну, это... – Замолкаю, не зная, как объяснить, что это шутка из сериала «Бруклин 9–9». Сьерра впервые выглядит веселой, и меня это почему-то радует.

Дверь распахивается, и все замолкают – как и тогда, когда я неловко ввалилась в комнату. С той лишь разницей, что на этот раз тишина длится долго.

Все оборачиваются и освобождают место, давая пройти врачу и медсестре.

– Прошу прощения за задержку. Возникла чрезвычайная ситуация, которая потребовала моего присутствия, – говорит врач приятным низким голосом. У него едва заметный акцент, и мне требуется несколько секунд, чтобы определить, откуда он. Неужели британец?

Медсестра протягивает врачу папку, и пока тот изучает документы, я рассматриваю его. Высокий, выше Митча – где-то метр восемьдесят пять. Широкоплечий. Из присутствующих он единственный, кроме меня, кто одет во врачебный халат. Халат ему на удивление идет, выгодно оттеняя загорелую кожу, черные волосы и щетину. Обращаю внима-

ние на его резко очерченные скулы и подбородок. На милую ямочку на подбородке. А еще у него очень красивые руки. Я считаю руки одной из самых красивых частей тела. Руки, глаза и подбородок. Джесс считает, что это мой фетиш.

– Как думаешь, это наш наставник? – тихо спрашивает Мэйси.

Киваю. Это единственное объяснение, почему он здесь.

– Как понимаю, все на месте. Отлично. Тогда давайте начнем. – Врач поднимает взгляд и поочередно смотрит на каждого из нас. – Меня зовут доктор Нэш Брукс, и с этой минуты я ваш наставник. Рядом со мной Эвелин Филдс, старшая медсестра отделения кардиохирургии. Она будет помогать вам по мере сил – и следить за вами так же пристально, как я.

Тяжело сглатываю, чувствуя, как эти слова грузом ложатся мне на плечи. Теперь все серьезно. Все по-настоящему.

– Раз вы подали резюме в Уайтстоун и получили работу, то наверняка знаете, чем будете заниматься. На всякий случай напомним: в первый год интернатуры к вам будут присматриваться. Напортачите – вам вынесут предупреждение. После третьего предупреждения ваша работа в этой больнице будет окончена.

Мэйси нервно сжимает руки, Митч выглядит серьезным и задумчивым, Сьерра... непохоже, что происходящее ей интересно. Не знаю, что испытывают остальные, но меня от слов доктора Брукса пробирает до мозга костей.

– Когда закончится небольшой ознакомительный период, вы будете работать в разных отделениях, хотя, конечно, со временем станете чаще получать распределения в соответствии со специализацией. Однако мы не хотим, чтобы вы сосредотачивались на чем-то одном. Поэтому вам предстоит работать в отделении кардиохирургии, торакальной хирургии, хирургии внутренних органов, отделениях неотложной помощи и травматологии, а также – со временем – и в других отделениях. Иногда по собственному выбору, но чаще – по назначению. Помимо этого, в течение первого года каждому из вас предстоит пройти шесть дежурств в скорой помощи. Я буду помогать вам по мере сил и возможностей. Обратите внимание, что в конце года эти выезды должны быть задокументированы, подписаны и подшиты к вашему делу. Мы понимаем, что это необычно, но хотим, чтобы вы получили как можно больше опыта. В Уайтстоун мы уже много лет практикуем такую систему в интернатуре, и она хорошо себя зарекомендовала. – По комнате проходит волна бормотания, и доктор Брукс добавляет: – Есть причина, по которой мы берем так мало интернов. Вы станете лучшими хирургами в стране, если успешно окончите...

– Тук-тук, – перебивает кто-то и, постучав по дверному косяку, заходит внутрь. Голос кажется мне смутно знакомым, и через мгновение я узнаю того, кто подходит к моему наставнику.

– Черт, – слетает у меня с губ.

Чувствую на себе любопытный взгляд Сьерры.

– Что? Неужто бывший любовник?

– Хуже, – растерянно отвечаю я. Почему мне так не везет?

– Что, Брукс, пугаешь ребятишек скучными речами?

Знакомая усмешка. Черт, черт, черт...

Доктор Брукс тяжело вздыхает.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он ровным голосом.

– Я возвращался из неотложки – бурное утро, все дела. Услышал из коридора твой чудесный голос и решил заглянуть. В конце концов, раньше за детишками присматривал Питерс, и это твой первый раз...

Пропустив ироничное замечание мимо ушей, доктор Брукс указывает на коллегу и представляет его нам:

– Знакомьтесь, доктор Йен Райс из отделения торакальной хирургии. С прискорбием сообщая, что с сегодняшнего дня вы будете проводить с ним много времени.

– Я тоже тебя люблю, – с ухмылкой отзывается тот и оглядывается.

Мелкими шажками продвигаюсь к Митчу, чтобы спрятаться у него за спиной, но не успеваю. Да и потом, сложно затеряться на фоне остальных, когда «остальных» так мало.

Значит, его зовут Йен Райс. Отлично. Просто замечательно. А я наивно надеялась, что больше никогда его не увижу...

Наши взгляды встречаются. Йен, узнав меня, скрещивает руки на груди и расплывается в такой широкой улыбке, что,

кажется, сейчас треснет. Я мечтаю провалиться сквозь землю – Йен не отводит взгляда, и все начинают это замечать.

– Точно уверена, что не спала с ним? – шепчет мне на ухо Сьерра, и я тихо вздыхаю. Пожалуйста, господи, пусть это окажется кошмарным сном! Пусть я проснусь, спокойно приму душ, вызову такси и приеду на работу вовремя, избежав происшествий.

Доктор Брукс, проследив за взглядом Йена... смотрит на меня. Нет, я определенно не сплю. Чувствую себя попавшей в ловушку.

Мой халат будто раскаляется, что нравится мне не больше, чем многозначительное поигрывание бровями (Йен) и пристальный взгляд (доктор Брукс). Вздергиваю подбородок и вызывающе смотрю на доктора Брукса. По правде говоря, я бы не смогла отвести взгляд, даже если бы хотела... понятия не имею почему. Я смотрю в его зеленовато-коричневые глаза и словно со стороны слышу свое дыхание. Чувствую, как сердце бьется все сильнее и сильнее...

– Во время смены ваш пейджер должен всегда быть включен, – продолжает доктор Брукс, вернувшись к теме брифинга, и меня охватывает такое облегчение, что я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать «спасибо!».

Мы продолжаем смотреть друг на друга, и я не знаю, что это значит.

– У тебя что-то с Нэшвиллом? – спрашивает Сьерра. Когда это доктор Брукс успел стать Нэшвиллом?

– У каждого из вас появятся свои пациенты. Мы будем видеться по меньшей мере раз в неделю на совместном обходе и планерке. Если вы в это время будете работать в другом отделении, я освобожу вас у дежурного врача.

– Типа меня, – добавляет Йен, широко улыбаясь.

– Помимо прочего, хочу добавить, что любые отношения, выходящие за профессиональные рамки, могут негативно сказаться на работе.

– Значит, секс исключаем. Тогда что они от тебя хотят? – удивляется Сьерра.

– Хотела бы я знать, – шепчу в ответ, и Сьерра тихо смеется.

– Доктор Брукс пытается сказать: не забывайте предохраняться, если решите познакомиться поближе.

– Йен, – предостерегающе говорит доктор Брукс. Похоже, эти двое хорошо друг друга знают, но не особо ладят.

– Что? – Йен поворачивается ко мне и подмигивает, а наставник буравит меня сердитым взглядом. Вижу, как у него ходят желваки, и открываю рот от удивления. У меня вырывается тяжкий вздох. Остальные принимаются хихикать и перешептываться.

Ну и денек, хуже некуда...

Через полчаса понимаю, что ошибалась, так думая.

– Ну привет, коллега, – говорит Йен, подстраиваясь под мой шаг.

Доктор Брукс проводит для интернов экскурсию по боль-

нице, и я плетусь в самом конце. Совсем скоро нам назначат первых пациентов.

– Кто бы мог подумать, что мы увидимся снова!

– Никто, – отвечаю, стараясь сохранять спокойствие.

– Давай и правда пообедаем. Или поужинаем. Неподалеку есть фантастический итальянский ресторанчик.

– Нет, спасибо.

– Кстати, ты не говорила, что проходишь здесь интерна-туру, – продолжает он.

– Вы не спрашивали, доктор Райс.

– Зови меня Йен. Как насчет пятницы? Скажем, часов в восемь?

– Нет, – остановившись, раздраженно смотрю на этого на-хала.

– Что именно «нет»? – невинно спрашивает он, и я с тру-дом сдерживаю улыбку, потому что в обаянии ему не отка-жешь. Он мог бы показаться навязчивым, но не переходит черту.

– Все, – отвечаю я.

В моем голосе слышатся веселые нотки, поэтому ускоряю шаг, пока на нас не обратили внимания.

– Разве вы не должны быть у себя в отделении, доктор Райс? Сводить с ума пациентов? – «А не меня», – мысленно добавляю я.

– По идее, да. Но я решил дать им немного отдохнуть ради разнообразия и взглянуть на отделение кардиохирургии – и

на новых интернов, доктор Лора Коллинз, – он почти игриво произносит мое имя.

С досадой качаю головой.

– Вы ставите меня...

– Ты.

– Что?

– «Ты ставишь меня», – поправляет Йен.

Делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к нему.

– Послушайте, сегодня мой первый день, а вы ставите меня в неловкое положение. Похоже, доктор Брукс вас не очень любит, а значит, будет не в восторге, если я буду с вами общаться.

– А, так ты об этом думала.

В замешательстве хмурюсь.

– Думала о чем?

– О том, чтобы «общаться» со мной.

– Вы невозможны! Вы со всеми женщинами так разговариваете? И если да, неужели это работает?

– Ты улыбаешься и еще не отвесила мне пощечину, поэтому я бы сказал, что работает. – Йен засовывает руки в карманы халата и неторопливо меряет шагами коридор. – Не бойся Нэша. Мы вместе проходили здесь интернатуру. Его уже закончилась, моя – закончится через несколько месяцев. И он, кстати, зануда.

– Люблю зануд, – парирую, не подумав. Черт, я лишь хотела его подразнить!

– О, так тебе нравится Нэш? – спрашивает Йен. – Интересно.

В его присутствии мне нужно следить за словами!

– Я этого не говорила! Значит, вы тоже интерн?

– Ненадолго. Кстати, торакальная хирургия довольно сложная.

– Как и любая другая.

– Предпочитаешь гамбургеры или пиццу?

– Господи боже!

– Я Йен, но можешь называть меня и так, – шутит он, небрежно пожимая плечами. На нас уже начинают оглядываться; доктор Брукс скоро заметит, что я его не слушаю.

– А индийскую кухню любишь? А мексиканскую? – не отстает Йен, и я не могу расслышать ни слова из того, о чем рассказывает мой наставник. Этот суперврач меня с ума сведет...

– Если я приму ваше... – Взгляд Йена становится серьезным, и я поправляюсь, понимая, что иначе это никогда не закончится: – Ты оставишь меня в покое, если я приму приглашение?

– Ужин.

– Коктейль.

– Обед.

– Два коктейля, – возражаю я.

– Минимум три и перекус.

Интересно, о чем сейчас рассказывает доктор Брукс? Мне

показалось или я услышала что-то о списке дежурств?

– Ну хорошо, – сдаюсь я.

Йен протягивает мне телефон и просит набрать мой номер.

– Разве в рабочее время можно пользоваться мобильными телефонами?

– Скажем так: это не поощряется.

– Ты понимаешь правила как тебе удобно, да?

Йен изображает удивление, но его взгляд говорит «да».

– Давай я лучше запишу твой номер, – предлагаю вполголоса, пытаюсь слушать доктора Брукса.

– Нет уж. Сама ты никогда не позвонишь.

Йен прав. Проклятье. Беру у него телефон, думаю дать ему чужой номер, но отказываюсь от этой идеи. Я не могу так поступить. Вздыхнув, сохраняю номер и возвращаю телефон.

– Спасибо, Лора, – весело отвечает Йен. – С нетерпением жду нашего свидания.

– Это не свидание, – возражаю я, хотя мы оба понимаем, что это свидание.

– Доктор Коллинз, похоже, вы думаете, что обойдетесь без моих указаний?

Замираю, услышав доктора Брукса, который обращается ко мне. Черт возьми.

– Ну что ж, мне пора, – бормочет Йен, давая задний ход. Он подносит руку к уху, словно держа трубку, одними губами произносит: «Я позвоню» – и исчезает.

Замечательно.

Перевожу взгляд на доктора Брукса, но не могу разглядеть и намек на эмоции у него на лице. Либо все не так плохо, либо у меня неприятности. Второй вариант звучит правдоподобнее.

Тяжело сглотнув, говорю:

– Конечно, нет. Прошу прощения.

Чувствую благодарность, когда доктор Брукс продолжает экскурсию, вместо того чтобы отчитать меня перед всеми. Мэйси сочувственно улыбается, а Сьерра довольно показывает большой палец.

У меня свидание с суперврачом, которого я встретила сегодня утром. Его зовут Йен Райс, и он работает в отделении торакальной хирургии – здесь, в Уайтстоун. Я не совсем понимаю, как это произошло. Похоже, сегодня я притягиваю всевозможные неприятности и проблемы.

Запрокинув голову, издаю стон. Потом делаю глубокий вдох и следую за остальными, сосредотачиваясь на том, для чего я здесь, на работе.

Нам передают дела пациентов. Конечно, мы будем отчитываться перед главным врачом своего отделения, но, по сути, нас бросают в воду, ожидая, что так мы научимся плавать. Пусть даже первые недели нам будут помогать опытные врачи и медсестры. Опыт собирается по крупицам. Нужно смотреть и учиться и прежде всего – делать самому.

Наступает очередь Митча. Он получает все необходимые

документы и отходит в сторону. Я остаюсь последней.

Проходит целая вечность, прежде чем доктор Брукс отрывается от бумаг и поднимает на меня глаза.

– Доктор Коллинз.

Он произносит мое имя и делает шаг ко мне, отчего я начинаю нервничать еще больше.

Некоторое время мы молча смотрим друг на друга. Доктор Брукс скользит взглядом по моему лицу, словно пытаюсь отыскать ответ на неизвестный вопрос. Под этим взглядом мне становится не по себе, и я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

У доктора Брукса шрам на нижней губе, и мне вдруг становится интересно, как он появился. Я больше не в университете, не на практике, я буду работать в новом месте с новыми людьми. Начну с нуля. Пока мои дела идут ужасно, поэтому с этой минуты я должна делать все, что в моих силах, чтобы исправить ситуацию.

Открываю рот, чтобы что-то сказать, нарушив неловкое молчание, но доктор Брукс меня опережает:

– Вы возьмете часть моих пациентов, а также двоих... нет, троих человек из отделения торакальной хирургии. Я буду контролировать их лечение вместе с доктором Александрой Пайн. Если доктор Пайн окажется занята, я полностью возьму это на себя. Если возникает экстренная ситуация – звоните мне. Если чего-то не знаете или не можете сделать сами – звоните мне. Если появятся новости или вам в голову

придет какая-нибудь идея – звоните мне. Помните: если вы совершите ошибку, то ответственность за нее понесу я. Вам все ясно?

– Я не тупая и на слух не жалуясь.

Широко распахиваю глаза. Я что, сказала это вслух? Поверить не могу! Доктор Брукс делает шаг ко мне, и я откидываю голову назад, чтобы посмотреть на него.

Делаю глубокий вдох. Это не самая глупая ошибка, которую я сегодня совершила, но определенно самая опасная: от доктора Брукса исходит приятное тепло, а еще от него потрясающе пахнет – сандаловым деревом и дорогим кофе. Вдыхаю полной грудью. Этого запаха и выражения зелено-карих глаз оказывается достаточно, чтобы на мгновение я потеряла голову.

– Отлично. – Доктор Брукс склоняет голову набок, как кошка, готовясь к прыжку, и я вижу, как играют желваки на его скулах. – Для врача это огромный плюс.

Глава 7

Нэш

«Йен, я тебя прикончу», – крутится у меня в голове еще долго после того, как Йен ушел. Смотрю на Коллинз. Про себя я всегда называю коллег по фамилии, так проще. Но, как это обычно бывает, есть исключения – и Йен в их числе.

Коллинз смело встречает мой взгляд, пока я пытаюсь собраться с мыслями. Возможно, мне следовало отчитать ее за дерзость, но, честно говоря, я так удивился, что не нашелся с ответом. Сарказм – это моя защитная реакция, рефлекс.

Коллинз стоит передо мной. Ее открытый взгляд полон любопытства. Почти вижу, как крутятся шестеренки у нее в голове. Чувствую тонкий цветочный аромат и понимаю, что оказался слишком близко. Но отстраняться не спешу и окидываю Коллинз изучающим взглядом.

Эта девушка во вкусе Йена – белокурые волосы, большие голубые... нет, серо-голубые глаза, румяные щеки, вздернутый нос. Однако сарказм не входит в число качеств, которые он ценит. Йен предпочитает женщин, с которыми легко. Это одна из причин, почему он спит почти исключительно с коллегами. Такие отношения здесь не приветствуются, но никто не питает иллюзий, что их возможно запретить. В конце концов, у нас такая работа, что мы проводим дома куда меньше

времени, чем в больнице, и многие поддаются обаянию Йена. Его девиз: «Зачем тратить время зря?» В Уайтстоун достаточно женщин. Получается максимальный результат при минимальных усилиях. Я сначала пытался объяснить Йену, что так нельзя, нельзя нарушать правила, но потом оставил это. Йену всегда было плевать на правила, и за все время, что мы знаем друг друга, он ни капли не изменился. И Йену все сходит с рук.

Почему я вообще об этом думаю?

– У вас остались вопросы, доктор Коллинз?

– Я могу принимать решения о лечении ваших пациентов?

– Они больше не мои пациенты, а ваши. Что касается вашего вопроса, я ответил на него во время вводного инструктажа.

Коллинз краснеет, но взгляд не отводит и немного приподнимает подбородок.

– Я отвлеклась.

– Да, заметил, – сухо отвечаю я.

Коллинз вздыхает, и ее черты немного смягчаются. Она устало потирает виски, и мне приходится сдерживать улыбку. А ведь это только ее первый день. Стоит ли сказать, что легче со временем не станет? Учитывая путь, который она проделала, чтобы попасть сюда, она и сама должна это знать.

– Послушайте, доктор Брукс, думаю, мы с вами... – говорит Коллинз, качая головой, и морщится, словно от зубной боли, – ...начали не с той ноги. К слову, у меня было сложное

утро. Обычно меня нельзя назвать ненадежной или невнимательной. Только в исключительных ситуациях.

Камешек в огород Йена, но...

– Тогда не позволяйте себе оказываться в таких ситуациях. Докажите, насколько вы внимательны, пунктуальны и целеустремленны. Раз вы решили спасти людей, делайте это как следует. В этой больнице жизнь каждого имеет значение. Вот, – передаю личные дела. – Начните с мистера Хэнсона, он в палате номер триста двадцать два.

Коллинз серьезно кивает, сжимая в руках стопку бумаг, и торопливо уходит. Сейчас она вернется, потому что...

– Мне в другую сторону, – бормочет она, и я улыбаюсь, когда она снова проходит мимо. Нельзя допустить, чтобы Йен – или кто-то другой – разрушил ее мечты. Сделав глубокий вдох, провожу руками по волосам и тру затылок, а затем иду в регистратуру, где обычно отдыхает медперсонал.

И что же я вижу? Господи, следовало выбросить его из окна кардиохирургии на четвертом этаже или, еще лучше, из окна гинекологического отделения на седьмом.

– Йен, чтоб тебя!

Повернувшись ко мне, он пожимает плечами и вскидывает руки.

– Я ничего не делаю, стою болтаю с Беллой. Я сказал, что она красавица, умница и должна работать в моем отделении. Отныне и навеки.

Изабелла Дейнс, смеясь, закатывает глаза, а потом кивает.

ет и одаривает меня милейшей улыбкой. Изабелле сорок девять, у нее двое взрослых детей. Она счастлива в браке и, на мой взгляд, излишне потекает Йену. Изабелла говорит, что он похож на ее младшего. Очаровательный, но с ветром в голове.

– Привет, Белла, – здороваюсь я. – Йен прав, сегодня ты выглядишь сногшибательно.

Изабелла, подмигнув, уходит к себе в кабинет. Йен неприступно прислоняется к стойке регистратуры, и я следую его примеру.

– Это единственное, в чем ты прав, – добавляю я. – Какого черта? Хочешь распугать интернов в их первый день?

– Не будь занудой, Нэш. С Лорой я познакомился сегодня утром, еще до твоей впечатляющей речи.

– Хватит нести чепуху.

Йен смотрит на меня с видом оскорбленной невинности и демонстративно хватается за сердце.

– Нет, серьезно! Речь была отличная. Не шучу. Я и правда проникся и даже расчувствовался. Твои слова тронули меня до глубины души.

– Боже, за что мне это, – ворчу я, протирая глаза, и смотрю на Йена. – Не понимаю, как тебя до сих пор не прикончили. Честно не понимаю.

– Это мой талант. А если серьезно, я не знал, что Лора будет здесь работать, – говорит Йен.

– Что?

– Правда. Кое-что произошло, поэтому она опоздала.

– Она не опоздала, – раздраженно отвечаю я, но потом задумываюсь. – Я опоздал. Произошло ЧП, и мне пришлось задержаться в операционной.

– Да пофиг, – Йен скрещивает руки на груди. – Так вот, сегодня утром Лора села в мой автобус...

– Ты приехал на автобусе? Что случилось с твоим любимым корветом? Неужели умудрился разбить?

– Отдал детку на техосмотр. Выяснилось, что у нее проблемы с тормозами, поэтому ремонт занял больше времени, чем я рассчитывал. Айзек ждет кое-какие детали, поэтому я смогу забрать ее не раньше завтра. И я бы никогда не разбил свою малышку. – Йен трясет у меня перед носом пальцем.

– И что? Ты успел довести новенькую, пока ехал с ней в автобусе?

– Ревнуешь? – глупо улыбается Йен.

Не достаиваю его ответа. Через некоторое время он понимает, что я собираюсь молчать, откашливается и, поигрывая лежащей на стойке ручкой, рассказывает:

– Я дремал, слушая музыку, – ты же знаешь, как я ненавижу автобусы... В какой-то момент я открыл глаза – может, потому, что мы остановились, может, потому, что меня подташнивало, понятия не имею – и увидел, как Лора пытается откачать одного из пассажиров. У него не было пульса, вероятно анафилактический шок. Я провел экстренную коникотомию.

– Что? Какими инструментами? Неужели без этого было никак?

– Перочинный ножик и соломинка. – Он, кажется, доволен собой. – Не смотри так на меня. Да, без этого было никак, иначе мужчина бы умер. Мы застряли в пробке, и скорая бы не успела приехать. Не сомневайся, Лора еще в автобусе высказала все, что думает по этому поводу.

– И правильно. А вдруг бы что-то случилось?

– Согласен. А вдруг бы больной умер, – отзывается Йен, вкладывая в эти слова такой тонкий юмор, что мне остается лишь покачать головой.

– И называй ее «доктор Коллинз».

– Ого, Нэш. Тебе не помешало бы расслабиться.

– Это больница, а не дом терпимости. Хватит соблазнять молоденьких докторов и разбивать им сердца, – говорю я, хотя и знаю, что Йен всегда ясно выражает свои намерения. Он не дает пустых обещаний. Либо от Коллинз ему нужен лишь секс, либо он по-настоящему влюбился. Мне не нравится ни один из вариантов.

– Ого, да ты ревнуешь! Это что-то новенькое. Хочешь поговорить об этом?

Этот парень убивает меня. Собираюсь огрызнуться, но тут у Йена пиликает пейджер. Он вытаскивает его из кармана, смотрит на экран и отталкивается от стойки регистратуры.

– Боюсь, этот разговор придется отложить. Мне пора, – бормочет он, убирает пейджер и хлопает меня по плечу. –

Не переживай. Все мы взрослые люди. Увидимся позже.

Надеюсь, что нет. Я способен переносить Йена в очень ограниченных количествах.

Он, не останавливаясь, окликает меня:

– Лора хорошо справилась. Я бы даже сказал, прекрасно.

Он дразнит меня, пытается вывести из себя. И, черт возьми, у него это получается.

Глава 8

Лора

Главное – не паниковать. Смена только началась, а значит, день может стать еще хуже.

Меня ждет первый пациент. Быстро просматриваю документы, которые получила, и решаю на время оставить их в регистратуре. В конце коридора мелькает доктор Брукс, скрываясь за углом. Воспользовавшись случаем, знакомлюсь с медсестрами: Изабеллой Дейнс и Софи Вегой. Стойка регистратуры большая, полукруглая, с подсветкой. Сбоку от нее доска с информацией и картой. Уайтстоун является одной из самых старых больниц в стране, но здание регулярно ремонтируют, так что оно отвечает всем современным стандартам. Это одна из причин, почему у Уайтстоун такая хорошая репутация – не считая того, что здесь прекрасные специалисты.

Палата номер 322. Вот она. Продезинфицировав руки, мы с мисс Вегой стучимся и входим.

– Здравствуйте, мистер Хэнсон. Меня зовут доктор Коллинз, а это мисс Вега, ваша медсестра, – поприветствовав пожилого мужчину, бегло просматриваю его историю болезни, чтобы получить представление, с чем предстоит иметь дело. – Как вы себя чувствуете?

– Что за дурацкий вопрос? – Мистер Хэнсон тяжело дышит. – Думаете, я бы лежал здесь, если бы чувствовал себя хорошо? – Одышка, ясно. – Нет, конечно.

Я люблю свою работу, но теряюсь, когда дело доходит до общения с пациентами. Я часто говорю что-то невпопад и задаю неверные вопросы. Каждое мое слово – как шаг по минному полю.

– Вы точно врач? – спрашивает мистер Хэнсон.

Оторвавшись от истории болезни, отвечаю:

– Да, точно.

Мистера Хэнсона доставили около получаса назад с острой дыхательной недостаточностью. Ни температуры, ни других симптомов. Только диспноэ. В анамнезе у больного проблемы с сердцем, а значит, диспноэ может быть вызвано целым рядом причин, некоторые из которых опасны для жизни. Поэтому мистера Хэнсона немедленно поместили в палату интенсивной терапии.

– Не груби, Фрэнк! Стоило мне всего на минутку отлучиться... – Ко мне подходит пожилая женщина и окидывает мистера Хэнсона сердитым взглядом. – Не обижайтесь на моего мужа, он так шутит. – Она садится на краешек кровати.

– Нет, Рут, я говорил совершенно серьезно! – возражает мистер Хэнсон.

Не могу не улыбнуться. Какая милая пара! Каждый их жест, каждый взгляд, которым они обмениваются, наполнен

любовью. Видно, что они очень привязаны друг к другу.

– Доктор, скажите, что с моим мужем? – спрашивает миссис Хэнсон.

– Сначала нам нужно провести дополнительное обследование, чтобы сузить область возможного заболевания. Когда у вас начались трудности с дыханием?

– Точно не знаю. Вчера, – бормочет мистер Хэнсон.

– Ничего подобного! Фрэнк уже несколько дней жалуется на одышку. – Жена гладит его руку.

– У вас есть другие жалобы, кроме затрудненного дыхания? – Подойдя к кровати, достаю стетоскоп. – Пожалуйста, поднимите рубашку, чтобы я могла послушать ваши легкие.

– Мне уже задавали эти вопросы, – ворчит мистер Хэнсон, но потом отвечает: – Нет, больше меня ничего не беспокоит. – Садится прямо и задирает рубашку.

– Фрэнк!

– Ладно-ладно! Я чувствую легкую усталость, на прошлой неделе у меня была простуда, но теперь все прошло.

– Пожалуйста, покашляйте. – Он послушно выполняет мою просьбу. – Еще разок. – В легких слышен хрип. – Спасибо, можете опустить рубашку. Последние несколько дней вас мучил кашель?

– Да, но несильный.

– Очень даже сильный! – возражает его жена. – А еще у него болела голова.

Мистер Хэнсон кивает, подтверждая слова супруги.

– Вы забыли упомянуть об этом в отделении неотложной помощи, – говорю я. Он молча отводит взгляд. Я уточняю: – Кашель сухой или влажный?

Мужчина морщится и заходится в кашле.

– Сухой, – выдавливает он.

– Хорошо. Мисс Вега возьмет у вас кровь на общий анализ. Потом вам сделают рентген грудной клетки, чтобы вы могла изучить ваши легкие и исключить некоторые заболевания.

– У меня что-то серьезное?

– Нельзя сказать, пока нет анализов. Не волнуйтесь раньше времени. Постарайтесь отдохнуть, ладно?

Мистер Хэнсон кивает, а его жена рассыпается в благодарностях.

– Я... – До нас доносятся громкие и, кажется, сердитые голоса. – Я зайду к вам позже.

Торопливо сделав несколько пометок в истории болезни и передав ее мисс Веге, выхожу в коридор и пытаюсь определить источник шума. Крики слышатся из палаты, которая расположена напротив.

Дверь приоткрыта, но я из вежливости стучусь, хотя сомневаюсь, что меня кто-нибудь услышит. Войдя, вижу бородатого мужчину лет тридцати. Громко ругаясь, он с возмущенным видом закрывает рукой повязку на торсе. Возле его койки стоит одна из моих коллег. Интерн из моей группы. Мы виделись сегодня утром.

– Ну наконец-то! – восклицает мужчина, с облегчением смотря на меня. Доктор Зина Аван тоже смотрит на меня и тоже – с облегчением.

– Что здесь происходит? – осторожно спрашиваю Зину, но она не успевает ответить, потому что пациент снова начинает кричать:

– Приведите мне врача!

– Мистер...

– Оуэнс, Кент Оуэнс, – представляется мужчина.

– Доктор Аван – врач, – с улыбкой говорю я.

Мистер Оуэнс язвительно смеется и указывает на Зину пальцем:

– Я не допущу, чтобы меня лечила такая, как она.

– Мистер Оуэнс, я всего лишь осмотрю ваши хирургические швы, и мы вас выпишем, – объясняет Зина – судя по интонации, уже в сотый раз.

Не понимаю, что смущает пациента, пока тот не заявляет, яростно потрясая пальцем:

– Держите свой платок от меня подальше!

Удивленно таращусь на мистера Оуэнса. Он что, серьезно? Не хочет, чтобы Зина лечила его, потому что она носит хиджаб? Чего именно боится этот мужчина? Что хиджаб оживет и задушит его?

– Позвольте уточнить: вы не хотите, чтобы вас осматривала доктор Аван, – указываю на Зину, – потому что она носит платок?

– Именно. Осмотрите меня вы, а она пусть уйдет, – ворчит мистер Оуэнс.

Я упираю руки в бедра, начиная злиться по-настоящему.

– Иными словами, вы считаете, что наличие хиджаба делает человека плохим врачом?

– Их надо запретить! – кричит мистер Оуэнс.

Взглянув на покрасневшую от гнева Зину, я даю ответ, который кажется мне единственно правильным в этой ситуации. По словам доктора Брукса, жизнь каждого человека имеет значение. Это подразумевает и наши.

– Доктор Аван – хороший врач. Иначе ее бы здесь не было. Хиджаб никак не влияет на ее профессионализм. Она не станет лучше, если снимет его, и не причинит вам вреда, если не снимет. Платок – не страшное чудовище, он вас не съест и не покалечит. Его наличие или отсутствие вас не касается.

– Но... – пытается перебить меня мистер Оуэнс, но я поднимаю руку и продолжаю:

– Либо вы позволите доктору Аван убедиться, что ваш хирургический шов не воспалился, либо останетесь без осмотра и покинете больницу по собственному желанию.

Тяжело дышу, а сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Хочу добавить, что он ведет себя глупо, но не успеваю.

– Думаю, этим все сказано, – раздается голос у меня за спиной.

Вздвогнув, резко оборачиваюсь и вижу доктора Брукса. Он спокойно выдерживает мой взгляд, после чего кивает и

выходит из палаты. Интересно, как долго он там стоял?

– Что за... Это... это... какое хамство! – в исступлении бормочет мистер Оуэнс, но в его голосе слышатся неуверенные нотки.

Растерянно смотрю вслед доктору Бруксу.

– Спасибо, – слышу рядом и поворачиваюсь к Зине.

– Не за что. Ты в порядке?

Зина дружелюбно улыбается.

– Конечно. В общем и целом. Я совру, если скажу, что это случилось со мной впервые... – И это чертовски грустно. – Спасибо за поддержку.

– Всегда пожалуйста, – отвечаю я совершенно искренне.

– И я очень рада, что доктор Брукс тоже меня поддержал. Это здорово. А теперь попробую еще раз... – Подмигнув мне, Зина поворачивается к пациенту и спрашивает: – Итак, мистер Оуэнс, что решили? Дадите себя осмотреть или будете выписываться на свой страх и риск?

Улыбаясь, я выхожу из палаты и беру медицинскую карту следующего пациента.

Пять часов спустя зайдя в кафетерий, падаю на стул рядом со Сьеррой.

– Паршиво выглядишь, – говорит она.

– Спасибо, ты тоже, – отзываюсь я, вонзая зубы в рогалик с сыром.

– Вот, выпей.

Сьерра пододвигает мне энергетик. Взяв банку, делаю резкий глоток, о чем тут же жалею.

– Бр-р-р, это еще большая гадость, чем здешний кофе!

– Зато эффект мгновенный, – со смехом отвечает Сьерра и допивает энергетик, пока я устало массирую шею. – А вообще, то варево и кофе не назовешь.

– Что есть, то есть. Как твои пациенты? – спрашиваю, с любопытством глядя на нее.

Сьерра откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди.

– У одного деменция. Приходится постоянно объяснять, кто я и почему он в больнице. Это раздражает почти так же сильно, как расстраивает и пугает. Один раз я сказала, что он выиграл поездку на море и ждет здесь трансфер. Он обрадовался, и это было лучше, чем в пятый раз сообщать, что у него рак четвертой степени и метастазы уже проникли в печень, желудок и легкие... И что никто к нему не придет, потому что его жена давно умерла, а других родственников не осталось.

Наша работа бывает как прекрасной, так и ужасной. Жизнь каждого человека имеет значение – но, к сожалению, каждого мы спасти не можем. Сьерра тяжело сглатывает, но быстро берет себя в руки:

– А как твои пациенты?

– Полет нормальный. Никаких серьезных травм и болезней, поэтому ничто пока не давит на меня эмоционально. Но

много бумажной работы.

– Не то слово... По крайней мере, система у них здесь хорошая. Ты уже видела график дежурств?

– Да, мельком. Грядут ночные смены.

Сьерра кивает.

– У меня тоже. Надеюсь, меня не поставят в одно дежурство с Митчем или Райаном.

– Почему? – спрашиваю, дожевывая рогалик.

– Митч меня раздражает. Если он и дальше будет нести чушь, я ему язык вырву, – злобно улыбается Сьерра. – Случайно, конечно.

– Ну да, ну да, – посмеиваюсь я.

– Райан... Его я пока не раскусила. Думаю, он не создан для такой работы. Слишком нервничает. И заставляет нервничать остальных. У меня от одного его имени глаз дергается.

Сьерра, наклонившись вперед, кладет руки на стол и опускает на них подбородок. Выбившийся из пучка локон темных волос падает ей на лицо.

– А теперь рассказывай. Что случилось утром во время собрания? Спектакль был что надо – Санта-Барбара отдыхает.

– Рада, что тебе понравилось.

– Ты спала с одним из наших докторов?

Закатив глаза, вытираю рот салфеткой и комкаю ее.

– Довольно личный вопрос, учитывая, что мы познакоми-

лись только сегодня.

Сьерра, выгнув бровь, уточняет:

– Предлагаешь задать его завтра?

– Очень смешно. И нет, я не спала ни с одним из них. А что плохого, если бы спала?

– Ничего, – пожимает плечами Сьерра. – Можешь перетрахаться хоть со всей больницей, если хочешь, главное – потом расскажи.

– Не знала, что мы уже настолько подружились.

– Потому что мы познакомились только сегодня? – Она улыбается. – Если мы не будем дружить, рехнемся здесь. На чем ты хочешь специализироваться?

– Не понимаю, какое отношение это имеет к теме, но... думаю о кардиоторакальной хирургии.

– Черт возьми! Выбери ты что-нибудь другое, мы могли бы стать настоящими подругами. Но теперь ты будешь моей соперницей.

Мы обмениваемся улыбками, понимая, что для нас это не главное. Куда важнее, что мы нравимся друг другу.

– А теперь выкладывай, что у тебя с нашими докторами.

Вздыхнув, рассказываю, что произошло сегодня утром.

– Недурно, – говорит Сьерра, выслушав мою историю.

– Что именно? – растерянно спрашиваю я.

Она садится прямо и расправляет плечи.

– Ну, для человека, пережившего такой стресс, ты выглядишь очень недурно.

Она надо мной смеется. Вот и отлично.

– Ты пойдешь на свидание с торакальным хирургом?

– С Йеном?

– О, ты уже зовешь его по имени? А ведь совсем недавно он был «доктором Райсом». Надо придумать для него прозвище. Доктор Брукс у нас «Нэшвилл»...

– Ты же понимаешь, «Нэшвилл» – слишком очевидное прозвище?

Сьерра фыркает.

– Ничего подобного. Оно настолько очевидно, что неочевидно. Ты уж мне поверь.

– Не думаю, что...

Пиликает пейджер. Посмотрев на него, чувствую, как сердце уходит в пятки. Проклятье...

– Мне надо бежать, – говорю я, вскочив со стула, и несусь к лифтам. Поднимаюсь в отделение и мчусь по коридору в палату 322, молясь, чтобы не было слишком поздно.

Палата заполнена медперсоналом, один из медбратьев пытается увести жену мистера Хэнсона.

– Фрэнк? Пожалуйста, скажите, что с моим мужем! Фрэнк! – зовет она, пока медбрат уговаривает ее уйти.

У кровати стоит доктор Брукс.

– Коллинз! Где вас черти носят?!

У меня нет удовлетворительного ответа, а мой пациент, похоже, чуть не умер от удушья, поэтому я молча дезинфицирую руки и включаюсь в процесс.

– Что случилось?

– Острая дыхательная недостаточность и сильный кашель, – сообщает доктор Брукс.

– Нам удалось его стабилизировать, – говорит медсестра, передавая мне результаты общего анализа крови, который только что пришел. Высокий уровень воспалительных процессов в организме. Температуры нет, но есть истощение, усталость, головные боли. Симптомы слишком неспецифические. Я предполагала воспаление слизистой оболочки бронхов, но теперь...

– Черт! – бормочу едва слышно и, схватив рентгеновские снимки, начинаю их изучать. Доктор Брукс становится рядом.

– В медицинской карте сказано, что вы подозреваете бронхит.

– Да, было дело.

Разглядываю снимки, и они подтверждают мысль, которая только что пришла мне в голову.

– Это не бронхит, а пневмония.

Доктор Брукс, забрав у меня снимки, рассматривает их.

– Ни температуры, ни мокроты, – бормочет он, словно разговаривая сам с собой.

– Пациент не демонстрирует классические симптомы.

Доктор Брукс переводит взгляд на меня.

– Атипичная пневмония.

Киваю. Это объясняет то, что мы нашли на рентгеновских

снимках, симптомы и резкое ухудшение состояния.

– Какой метод лечения вы предлагаете?

– Я бы начала с антибиотиков широкого спектра и сделала анализ мочи на антиген легионеллы. Потом можно будет назначить бронхоальвеолярный лаваж, чтобы исключить легионеллезную пневмонию.

Внимательно выслушав, доктор Брукс кивает:

– Приступайте.

Глава 9

Лора

– Нет, я не сплю! – с криком подскакиваю я. Растерянно моргаю и оглядываюсь по сторонам, вытирая собравшуюся в уголке рта слюну. Я работаю всего третий день, а уже устала. Невероятно.

– Я видел, что ты спишь, соня, – отзывается Митч, доставая из шкафчика контейнер, и подсаживается ко мне за полукруглый стол у стены.

– Ха-ха. Я просто на секунду закрыла глаза.

– Повторяю: я видел, что ты спишь. И слышал. Ты очень мило храпишь. Как маленький медведь – панда, там, или коала.

Хмурясь, беру со стола телефон. На экране высвечиваются новые сообщения от Джесс и Логана. А ведь я не успела ни ответить на старые сообщения, ни позвонить!

Сначала читаю, что пишет Логан, и пытаюсь собраться с мыслями.

«Привет, это снова я. Уверен, ты жива и невредима и, наверное, очень занята, но Джесс на грани инфаркта. Она достала меня по горло, поэтому позвони ей. Люблю тебя».

Отлично. Ладно, делать нечего. Пишу Логану: «У меня

все хорошо, спасибо» – и читаю сообщения сестры. Двенадцать новых с вечера вторника. Неплохо, но не рекорд. Я знаю, что Джесс волнуется.

«Господи, Лора, неужели так трудно ответить? Хотя бы раз? Напиши „все ок“, большего не жду. Это всего пять букв. Черт, я согласна даже на смайлик».

Джесс ненавидит, когда в сообщение вставляют смайлики. Не текстовые смайлики, а те желтые шарики. Они ее жутко бесят.

«Очень надеюсь, что сейчас ты спасаешь чью-нибудь жизнь. Или занимаешься сексом. В противном случае нет тебе оправдания».

У меня вырывается смешок, и я ловлю на себе любопытный взгляд Митча. К счастью, он ничего не говорит. Если не ответить Джесс сейчас, не позднее понедельника она будет в Финиксе и устроит мне ад на земле.

«Тебе нужно поговорить с кем-то о выражении эмоций, Джесс. Ты очень... экспрессивна. У меня все хорошо. Спасла несколько жизней, но секса у меня еще меньше, чем сна, – или наоборот? Даже не знаю. Люблю тебя. Надеюсь, у тебя все хорошо. По крайней мере, после того, как я написала».

Ставлю смайлики после каждого предложения и чувствую, как настроение улучшается. Отправляю сообщение Джесс и быстро пролистываю остальные входящие. А это от

кого? Неизвестный номер. Один пропущенный звонок. Молюсь, чтобы это оказался не Джош.

«Завтра у нас свидание (коктейль, 3 шт.). Не забудь. Встретимся здесь?»

Перечитываю сообщение и открываю приложенную ссылку с адресом. Йен. Он же собирался мне позвонить... Нет, я рада, что он не позвонил, а прислал сообщение, – так мне будет проще отказать. Честно говоря, надеялась, что он забудет.

«Не могу, у меня до семи смена».

Это правда. И если завтрашняя смена окажется такой же утомительной, как сегодня, я буду мечтать лишь о том, чтобы доползти до кровати. В любом случае я не смогу приехать на встречу раньше девяти. Придется заехать домой и переодеться, потом вернуться в город и... от одной мысли об этом мне становится плохо.

На экране появляется новое сообщение.

«Тогда давай после смены. Жду с нетерпением».

Похоже, Йен не сдастся. Проклятье. Засунув телефон в карман халата, раздраженно вздыхаю.

– Все хорошо? – спрашивает Митч с набитым ртом.

До меня доносится божественный аромат еды, и я невольно придвигаюсь ближе.

– Да, пойдет. Что у тебя там? – Указываю на контейнер.

– Домашняя энчилада.

Приподнимаю брови в восхищении.

– Надо же. Хирург, умеющий готовить.

Митч, улыбаясь, протягивает мне вилку.

– Попробуй.

Ему не приходится повторять дважды – в последний раз я ела утром, а сейчас уже вечер.

– М-м-м, божественно... – блаженно вздохнув, подвигаю к себе контейнер. Открывается дверь, и в комнату отдыха с мрачным видом входит Сьерра.

– Отдай! – смеясь, требует Митч.

– Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте оргию, – хмыкает Сьерра, ее голос звучит раздраженно и расстроено.

Митч продолжает смеяться, а я говорю:

– Это лучше, чем оргия, поверь.

– Знаешь по личному опыту? – интересуется Митч, отнимая контейнер и возвращая меня на грешную землю.

Обиженно поджимаю губы.

– А вот теперь не скажу.

Сьерра смеется – коротко и невесело, а потом вынимает что-то из шкафчика и быстро закрывает дверцу.

– Лора ничего не смыслит в оргиях. Куда ей.

Она садится на скамейку, нервно проводя руками по волосам и лицу.

Я подхожу к Сьерре. Она всегда грубовата, но сегодня – больше обычного. К тому же видно, что очень расстроена.

Мы знакомы всего несколько дней, но иногда встречаешь людей, которых будто знаешь целую жизнь.

– Что случилось, керида? – с набитым ртом спрашивает Митч, когда я сажусь рядом со Сьеррой. Она оборачивается и указывает на него пальцем.

– Перестань меня так называть. Я догадываюсь, что значит это слово, и мне оно не нравится.

Митч усмехается, но ничего не отвечает, а я решаю не объяснять Сьерре, что на самом деле он назвал ее «дорогая».

– Перестань смотреть на меня щенячьими глазами, Лора. Я в порядке. – Она облизывает губы и делает глубокий вдох. – Это наша первая неделя. Мы не друзья... по крайней мере, не настоящие друзья. Мы просто работаем вместе. Соревнуемся друг с другом, ясно?

Недавно она говорила совсем иначе! Ее слова жалят, как укусы пчелы, но я понимаю: она нападает только потому, что чувствует себя загнанной в угол. Несколько дней назад Сьерра была другой. Наверняка случилось что-то плохое! Я молчу и жду, надеясь, что она решит выговориться.

– Нам свойственно ошибаться, – тихо произносит она через некоторое время, и я слегка подталкиваю ее плечом, как всегда делала Джесс, когда хотела меня утешить.

– Конечно, свойственно. Мы же люди, а не роботы.

– Ему стало плохо. Я сделала все возможное, я была рядом и ввела ему лекарство... черт! В медицинской карте не говорилось, что у него аллергия на пенициллин! Мне следо-

вало заново собрать анамнез!

– Держи. Тебе это нужнее, чем мне.

Внезапно перед нами оказывается Митч, протягивая Сьерре контейнер с едой, который совсем недавно забрал у меня.

– Еда не изменит случившееся, но тебе станет легче. Поверь.

Сьерра буравит контейнер взглядом, но сидит неподвижно. Тогда я забираю его и ставлю ей на колени, одними губами говоря Митчу «спасибо».

– Поешь. А потом возвращайся к работе. Ты сильная, ты сможешь.

Встав, я иду вместе с Митчем к двери, но на пороге оборачиваюсь.

– Сьерра? – Жду, когда она посмотрит на меня, и продолжаю: – Может, иногда мы и соревнуемся, но прежде всего мы – коллеги. Это куда важнее. И... – Улыбаюсь. – Готова спорить, ты уже привыкла ко мне и не считаешь такой уж плохой. Я всегда тебя прикрою, подруга.

Сьерра закатывает глаза, но, прежде чем выйти в коридор, я успеваю заметить ее улыбку.

Возможно, мы со Сьеррой останемся лишь коллегами. Но как знать... Вдруг я в первый же день нашла подругу? В любом случае мы должны поддерживать друг друга. Эта работа может сломить и опустошить, и, если никто не поможет, рано или поздно неизбежно свихнешься. Сьерра сама так говори-

ла. Мы работаем под давлением своих и чужих требований и желаний, ежедневно сталкиваясь с тяжелейшими вещами: болезни, ограниченные возможности и тупиковые ситуации, страдания и смерть. Если мы будем сражаться друг с другом, то уже никому не сможем помочь.

С моего появления в Уайтстоун проходит несколько долгих, наполненных работой дней. Хотелось бы сказать, что я привыкла и чувствую себя увереннее и спокойнее, что заполнять медицинские документы – крайне веселое занятие, или что я выучила названия производителей используемых здесь лекарств и мне больше не приходится искать, что представляют собой те или иные таблетки...

На это уйдет время. Время, много терпения и упорный труд. Работа не тяжелее учебы, просто... они отличаются.

Теория, которую я вызубрила, знания, которые у меня есть... взяты из образцовых историй болезней, диагнозов и методов лечения. Это числа, проценты и уравнения. Если у пациента X проявляются симптомы XY , то он болен XYZ . А если симптомы нетипичны? Если болезни накладываются одна на другую и симптомы сбивают с толку? Вдруг пациент тебя обманывает? Люди лгут, причем постоянно. Столько вероятностей и возможностей... ошибиться. К такому нельзя подготовиться.

Выискивая нужную медицинскую карту, впервые за долгое время чувствую, что совсем ничего не знаю – как тогда,

когда только поступила на медицинский.

Мои знания ничего не стоят, если у меня не получится преодолеть разрыв между теорией и практикой, если не смогу их использовать, чтобы лечить пациентов. Думаю, мне придется работать над этим годами, живя с ощущением, что однажды я допущу ошибку. Что появится пациент, которого не смогу спасти. Что кто-то умрет. Умрет из-за меня.

Этот день неизбежно настанет. Я давно его жду. Он меня изменит. Оставит рану. Наложит отпечаток. Но надеюсь, он меня не сломает.

– Невозможно, – бормочу вполголоса, растерянно опустив руку на тележку с документами, которая стоит возле стойки регистратуры.

– В этой больнице возможно все! – раздается чей-то голос. Из-за угла неожиданно выглядывает медбрат и наклоняется ко мне. Подпрыгнув, сдавленно вскрикиваю, заставляя парня улыбнуться.

– Простите, не хотел вас напугать. Я могу чем-нибудь помочь? Вы уже довольно долго копаетесь в документах, доктор Коллинз.

Разглядываю медбрата, пытаюсь отдышаться. Он выглядит моим ровесником. Приятная улыбка, аккуратный внешний вид, русые волосы с рыжеватым отливом, зеленые глаза... Я его знаю! Да, точно, я уже видела его раньше! Это он заботливо ухаживал за мистером Хэнсоном после того, как я поставила бедняге неверный диагноз, и мило успокаивал мис-

сис Хэнсон. К счастью, лечение дало положительный эффект и теперь пациент шел на поправку.

– Да, я... спасибо. Я доктор Лора Коллинз, одна из новых интернов, – протягиваю ему руку. – Простите, что не представилась раньше.

– Грант Мастерсон, – представляется медбрат. – Ничего страшного. Я не из обидчивых. – Заговорщически подмигнув, он наклоняется ко мне и добавляет: – И все же позвольте дать вам небольшой совет: медицинский персонал – люди нежные и ранимые. Скорее всего, вам часто будет требоваться наша помощь, поэтому представьтесь всем работникам отделения, если вы еще не успели. Просто из вежливости, понимаете?

Мне ужасно неловко. Он прав, и я виновато улыбаюсь.

– Да. Поверьте, мне очень жаль. Эта неделя была... сумасшедшей. Вчера я так устала, что заснула в душе и проснулась только тогда, когда стукнулась головой о плитку... – Прикусываю язык. – Я сказала куда больше, чем собиралась, – признаюсь смущенно и, указав на тележку с документами, говорю: – Я ищу медкарту миссис Хелен Татум из палаты триста двадцать один. Надеюсь, что она окажется здесь. Возможно, ее взял кто-то из медперсонала, чтобы вписать новые показания, поэтому я не могу ее найти. Похоже, я ее потеряла и, поверьте, ненавижу себя за это.

– Ясно. Разрешите? – Грант указывает на тележку с папками, и я торопливо уступаю ему место.

– Прошу. Буду целую неделю носить вам кофе, если найдете медкарту...

Мои слова вызывают у него улыбку.

– Вы же знаете, что кофе – единственная в больнице жидкость, которая никогда не заканчивается?

– О да, но... даже машинное масло вкуснее здешнего кофе.

– Упаси вас бог сказать это при Эдит! Она очень для нас старается. Или вы про кофе из ординаторской? А, правда... кофе там такой же.

– Ой! – Оглядываюсь по сторонам. – Эдит меня не слышала?

– Нет. Она работает в кафетерии и каждый день разносит кофе по отделениям. Она считает это своей миссией. Но воскресенья Эдит проводит с дочерью и не работает, поэтому кофе готовит тот, у кого находится свободная минутка... – Он смотрит на меня. – Вы, главное, не говорите ей, что кофе вкуснее всего по воскресеньям.

– Не скажу. И, эм... давайте перейдем на «ты»? – Мне неловко об этом просить, но я не люблю, когда мне «выкают».

– Да, конечно. Мне так даже проще, – весело говорит Грант, а потом выпрямляется и задумчиво кусает губу, уперев руки в бока. Он все обыскал. – Медкарты здесь нет. Полагаю, в картотеке ты уже смотрела?

– Да, поэтому я в таком отчаянии. – Расстроено тереблю

волосы. – Мне нужно осмотреть миссис Татум, и я не знаю, можно ли поставить ей катетер.

Грант растерянно смотрит на меня, и я объясняю:

– У миссис Татум скользящие вены. Когда вчера брала у нее кровь, она кричала так, словно я ее убивала. Не думаю, что сегодня будет иначе.

– А, так это была твоя пациентка, – зло улыбается Грант.

– Прошу, лучше ничего не говори.

– Со временем станет легче, поверь. Но если хорошо попросишь, могу взять миссис Татум на себя. Пациенты меня любят.

– Ты такой скромный, – фыркаю я.

– Скромность никого не украшает, – серьезно отвечает Грант.

Мы заливаемся смехом и все еще смеемся, когда в конце коридора появляется бледный как полотно врач. Он быстрыми шагами направляется к нам, обходя медсестер и родственников, которые используют последние минуты времени, отведенного на посещение больных.

– Новенький интерн. Как и ты, – бормочет Грант.

– С чего ты взял? Может, это врач, который начал работать в больнице совсем недавно...

Врач, о котором мы говорим, кажется знакомым – несмотря на то, что находится достаточно далеко от нас.

– Нет, это интерн, поверь. Вас окружает такая аура... знаешь, которая почти кричит: «Пожалуйста, пусть никто не за-

метит, что я не знаю, что делать». У тебя, кстати, она тоже есть. Но не такая сильная, как у него. – Грант кивком указывает на моего коллегу.

– Райан? – здороваюсь я.

Не уверена, что его так зовут, но он останавливается, и я понимаю, что не ошиблась. Это доктор Райан Сандерс, один из нашей группы. Сьерра рассказывала о нем. Но до сих пор наши пути почти не пересекались.

– Все хорошо? – спрашиваю у Райана.

– Да... то есть... обязательно будет, – бормочет он себе под нос.

Бледный, испарина на лбу и над верхней губой, расширенные зрачки, дрожащие руки... Неужели у него вегетативный криз?

– Тебе стоит присесть, – серьезно говорю я, а Грант уже протягивает ему стакан воды. А у парня быстрая реакция. Но Райан не успевает выпить воду. По всем признакам понимаю, что сейчас произойдет. Он зажимает рот и отшатывается.

Его выворачивает. Да, прямо в коридоре. Да, на стойку регистратуры. Содержимое его желудка оказывается на белом стекле и частично – на полу, выложенном кремовой плиткой.

Проклятье. Поддерживаю Райана, чтобы он не упал.

– Предлагаю новую сделку. Я займусь миссис Татум и ее венами, а ты здесь приберешься, – говорит Грант, с легким отвращением осматривая картину бедствия. Тихо фыркая, помогая Райану выпрямиться. К нам, приоткрыв от удивле-

ния рот, подходит медсестра. Кажется, ее зовут Эллен Мартенс.

– Ни за какие коврижки, – говорю я и уже серьезнее добавляю: – Один из нас должен помочь ему добраться до ординаторской. Пусть выпьет воды и приляжет. Если вегетативный криз не пройдет, кровообращение не нормализуется и рвота не прекратится, нужно будет восстановить баланс жидкости в организме.

– Я им займусь!

Медсестра уводит оцепеневшего Райана.

Грант поворачивается ко мне, недоуменно моргая.

– Что это было? – спрашивает он.

Пожимаю плечами:

– Понятия не имею. Но очень надеюсь, что Райан скоро придет в себя.

– Я о другом, – отмахивается он. – Я думал, что между нами появилась связь! – Он машет рукой. – Но ты собираешься бросить меня с этим бардаком. А ведь ради тебя я был готов проколоть скользкую! Да-да, скользкую! – выразительно повторяет он, а я смеюсь.

– И я тебе безмерно благодарна. Ты справишься, я в тебя верю! Вызови уборщицу.

Не успевает Грант ответить, как в коридоре появляется другая медсестра. Она бежит с той же стороны, откуда появился Райан. Это Софи. Мы познакомились в первый день и уже сработались.

– Все хорошо? – с беспокойством спрашивает у нее Грант.

– Один из наших бамбини чуть не превратил пациента в воздушный шарик, а так все отлично!

– Кто, Райан? – уточняю я.

– Сандерс, да, – отвечает Софи, роясь в тележке с документами. – Миссис Джонас находилась под наблюдением. Не успели прийти результаты обследования, как у нее развилась гипоксемия. Доктор Сандерс нажал кнопку сигнала тревоги. Я прибежала в палату раньше доктора Брукса и увидела, что пациентка уже интубирована. – Софи достает медицинскую карту и серьезно смотрит на нас. – Доктор Сандерс интубировал пищевод вместо трахеи и надул миссис Джонас желудок. К моему появлению по эндотрахеальной трубке уже пошла рвота. Сандерс не заметил, что сделал ложную интубацию и провентилировал пациентке желудок вместо легких. Мы чуть не потеряли ее. Доктор Брукс разозлился. Он выгнал Сандерса. К счастью, нам удалось стабилизировать состояние миссис Джонас.

– Чтоб меня! – вырывается у Гранта.

– Доктор Брукс, он что... кричал? – интересуюсь я, потому что рассказ Софи не очень вяжется с просто «разозлился».

– Эх, если бы, – фыркает Софи. – Когда доктор Брукс по-настоящему злится, у него пульсирует венка вот здесь, – она показывает на висок, – и желваки ходят. Он с трудом может говорить. Это хуже любых криков, – заключает она с тяже-

лым вздохом и уходит.

Не могу представить такого доктора Брукса... Впрочем, у меня нет времени о нем думать, потому что через несколько секунд мой пейджер оживает. Помяни черта...

– Мне очень жаль, но вынуждена тебя покинуть, – говорю я, изобразив сожаление, и машу Гранту рукой.

– Тебе ничуть не жаль...

Грант прав. Не жаль. Разве что немного. Если мне кого и жаль, так это Райана.

Войдя в палату, вижу доктора Брукса – или Нэшвилла, как назвала его Сьерра. Он стоит у постели миссис Джонас, изучая медицинскую карту, а Софи проверяет кислородный аппарат, который помогает пациентке дышать. Скорее всего, миссис Джонас будет находиться на кислородном аппарате, пока мы не поймем, что вызвало гипоксемию, и не устраним причину.

Вместо меня здесь должен быть Райан. Неужели он не получит второй шанс? Это неправильно.

– Доктор Коллинз, теперь это ваш пациент. Ознакомьтесь с историей болезни. Утром жду от вас новостей.

Доктор Брукс с холодным спокойствием протягивает мне документы. Наши взгляды встречаются, и я думаю: интересно, что он за человек? Почему выбрал эту профессию? Хороший ли он врач? А сам как считает? Насколько он сдержанный? Если верить истории, которую рассказала Софи, доктор Брукс – человек эмоциональный. Но в то же время он

кажется таким... таким... холодным и неприступным. Особенно сейчас. Ни улыбки, ни дружелюбного взгляда. Отстраненное выражение на красивом лице. Из-за работы или он всегда такой? А может, только со мной?

Беру медкарту, и ощущение неправильности происходящего становится сильнее.

Кивнув, доктор Брукс идет к двери. Я понимаю, что должна держать язык за зубами. Понимаю, что это не мое сражение. Мы с доктором Бруксом находимся в разных лигах. Я – интерн, который в Уайтстоун меньше недели, а он – врач, который за меня отвечает. Мы не на равных. По крайней мере, пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.